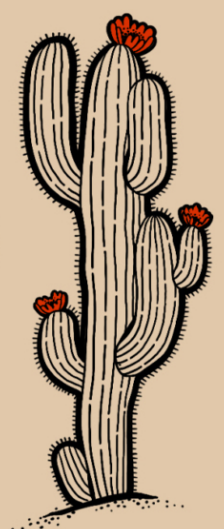
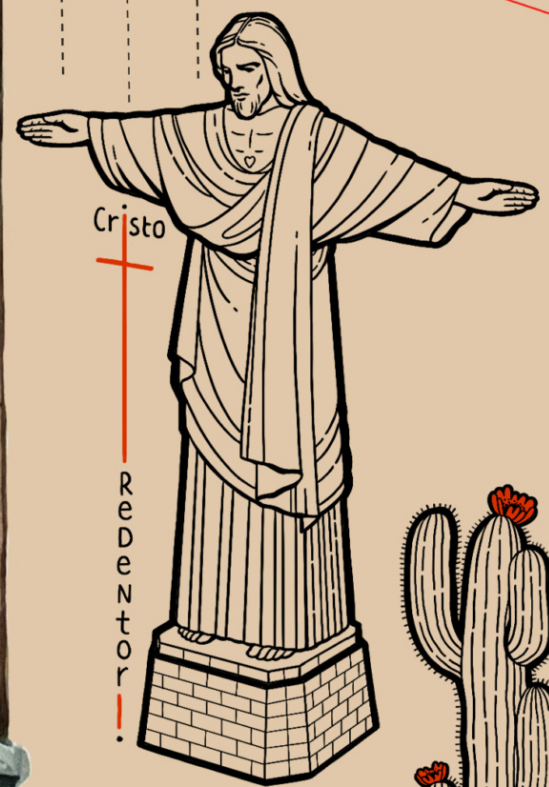
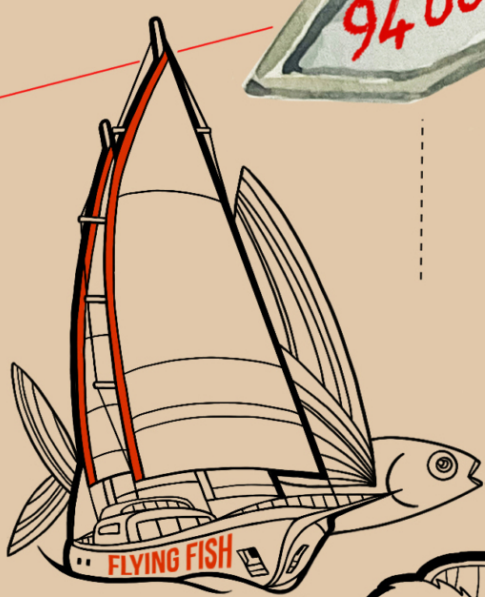
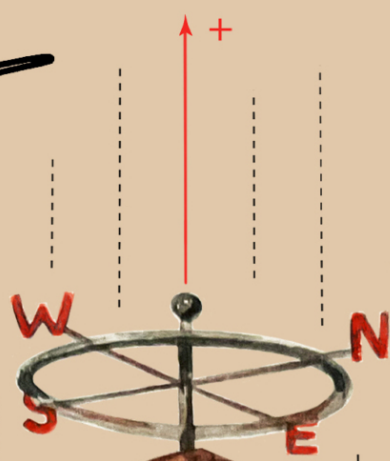
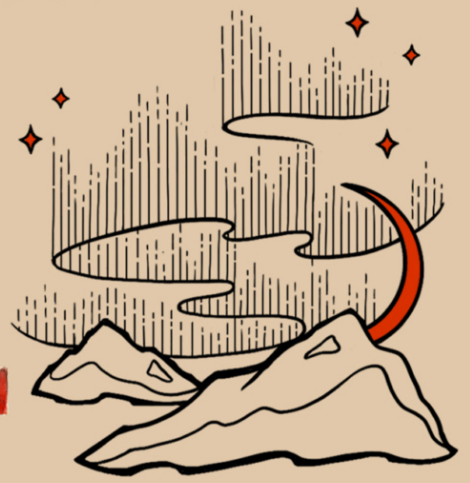
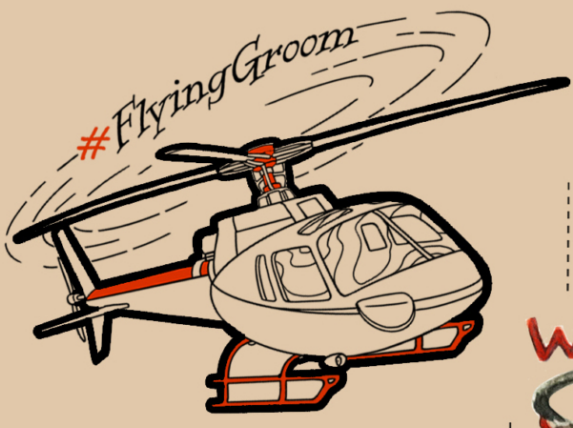

СТАСС БАБИЦКИЙ

Перелётный жених

Стасс Бабицкий

Перелётный жених. Книга вторая

«Книжное издательство Бабицкого»

Бабицкий С.

Перелётный жених. Книга вторая / С. Бабицкий — «Книжное издательство Бабицкого», — (Перелётный жених)

ISBN 978-5-907403-12-3

Лев Мартынов, помощник депутата Государственной Думы, сумел убедить миллионы людей по всему миру в том, что отправился в кругосветное путешествие ради любви. Вот она, чудесная сила Интернета! Однако в реальности все не так романтично. Лев убегает от обвинений в коррупции, поскольку очень не хочет в тюрьму. На этот раз судьба забросит его за Полярный круг, а потом в тропический рай. Предсказание шамана, карнавал с горячими танцовщицами, драки, погони и другие опасные приключения – в долгожданном продолжении авантюрного романа «Перелётный жених». В книге присутствует нецензурная брань!

ISBN 978-5-907403-12-3

© Бабицкий С.

© Книжное издательство Бабицкого

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Северный ветер	7
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Стасс Бабицкий

Перелётный жених. Книга вторая

Пролог

Лев Мартынов путешествует – >> в Ирландию

20 апреля 3:45

Где-то в Кельтском море

Закрытая запись

Бездарные поэты часто сравнивают луну с лимоном. Это же так удобно: разрезал пополам и пусть истекает капельками сока. Рифмачи талантом не обделенные, умеют разглядеть в естественном спутнике Земли и другие цитрусовые – нежно-розовую мякоть грейпфрута или малахитовую корочку лайма, – а также золотистую дыню, абрикос, персик и даже банан.

Немного вычурно, не спору, но весь этот витаминный набор придает сонетам тонкие оттенки и полутона вкуса. Сладкая сердцевина любви и ее же немилосердная горечь. Оскомины кислой измены. Вяжущая тревога и терпкий страх. Чем дальше от реальности, тем лучше. Поэзия ведь должна передавать неуловимые чувства. Создавать настроение...

А Лев смотрел в небо и видел фигу.

Серьезно.

Из прорехи в облаках вывалился фиолетовый бок с тонкими прожилками, как на спелом инжире. Магическая луна. Такой пристало отражаться в котле с зельем какой-нибудь остроносой ведьмы или проплывать над кольцом из замшелых камней, где водят хоровод друиды в черных балахонах. Проклятые короли, наткнувшись спросонья на ее перекошенный лик в окне, скулили от ужаса и дрожали до утра в застуженных коридорах старинных замков. Но сейчас зловещий свет растрчивался на одинокую моторную яхту посреди безбрежного моря.

– А будущий тесть не придерется? – спросил капитан. – Все-таки формально ты сейчас не летишь.

Тесть?

Какой тесть?

Ах, тесть...

Льву приходилось постоянно держать в голове легенду о причинах кругосветного путешествия. Поначалу это раздражало, но человек к любому неудобству быстро приспособливается и подходящие случаю ответы высказывают уже сами собой.

– Нет, не придерется. Условия договора соблюдены четко. Старый гриб требовал: «бесплатно пересекать границы на борту любого летающего судна». Яхта – это судно? Однозначно. Называется «Летучая рыба», стало быть, летающее судно. Денег ты с меня не возьмешь. Так ведь? Значит, все в порядке.

Голос дрогнул. Неприятно обманывать хорошего парня. Армен страшно обрадовался вчерашнему звонку... Нет, уже позавчерашнему. Успел изучить в интернете историю Перелётного жениха и жаждал помочь выиграть спор. Он, как и другие прекрасные, душевные, а оттого – наивно-доверчивые люди, проникся нелепой сказкой. Про прекрасную девушку, дочь олигарха, то есть – практически! – принцессу. Про отца-тирана, который не хочет выдавать ее замуж за простого парня, без толстой чековой книжки в кармане. Про диковинный уговор о кругосветном путешествии на крыльях любви и других, более полезных, воздухоплавательных аппаратах.

Ну, вот как? Ка-а-ак?! Как можно поверить в подобную чушь?

Легко.

Когда под сообщением в соцсети появляется первый миллион лайков, дальше люди тычут в кнопку автоматически – не вчитываясь, не задумываясь. Обитатели социальных сетей на разных языках поддерживают своего героя, азартно обсуждают каждый его шаг. Верят и надеются, что любовь победит. Лев не понимал, что именно в этой выдуманной истории помогло ему всех зацепить, но использовал ситуацию на полную катушку.

Яхтсмен примчался по первому зову. Подхватил путешественника у какой-то мрачной парижской подворотни. Отвез на побережье Атлантики, в маленький порт с несоразмерно длинным названием из затейливых слов и дефисов. Всего за пару часов снарядил корабль...

И в благодарность за это обрушить на него жестокую правду? Как Лев сбежал от ареста по делу о коррупции, а теперь его разыскивают за наркоторговлю, захват заложников и убийство – загибайте пальцы, чтобы ничего не упустить! Как бандиты всех мастей помогали ему играть в прятки с законом и нелегально летать по Европе. Как он стучал, обдирая кулаки, в крышку деревянного ящика, пока напуганный служитель Лувра отвинчивал шурупы. Как следователь Белопузов прямо сейчас рассылает приметы негодяя по своим каналам, снабжая ярлыками «срочно», «особое внимание», а может – чем черт не шутит! – «брат живым или мертвым»...

Не-не-не.

Зачем доброму человеку знать, что он становится соучастником?!

– Эх, нам бы под парусом выйти. При попутном ветре давно причалили бы, – сокрушался моряк. – А у этой посуды всего двадцать пять узлов на полном ходу.

Они плыли целые сутки. Стартовали за час до рассвета. Сперва ползли с черепашьей скоростью, облизывая лучом прожектора французские отмели да каменистые рифы. К полудню проскочили мимо трех крупных островов, и вышли на морской простор. Армен включил автопилот. Выспался в каюте, пока его пассажир пялился на волнистое однообразие. Потом обедали, точнее хозяин кораблика с аппетитом поглощал рыбные консервы, а Лев лениво ковырял вилкой. Слишком много расспросов про «невесту». Вспоминать журналистку-предательницу не хотелось. Он так и не разобрался в своих чувствах. Здравый смысл подсказывал, что надо держаться от навязчивой девицы подальше. Сердце же выстукивало ее имя: А-лек-сан-дра. Эхо стреляло в уши, а к щекам приливалась кровь. Вот и пойми, то ли от гнева, то ли от смущения.

К вечеру море вспенилось, раскачивая отважное суденышко. Стало муторно и страшновато. Беглец спустился вниз, скорчился на узком диване. Заснул. На мостик вернулся лишь к восходу луны.

– Смотри, Лев! Вон там!

Черный бархат горизонта проткнула булавка и засверкала далекая искра.

– Маяк?

– Точно. Старейший маяк в этих краях. Хук Хэд. Почти тысячу лет спасает моряков. Здешние места коварные, повсюду скалы. Представляешь, когда строили эту башню, камни обмазывали бычьей кровью – языческая жертва подводному богу. А через двести лет за маяком присматривали уже христианские монахи, а огонь зажигали от церковной свечи, – Армен резко крутанул штурвал. – Такая вот случилась перезагрузка.

Яркое пятнышко росло с каждой минутой. Перезагрузка, говоришь? Луч надежды в гиблых водах? Именно это сейчас и нужно. Перед мысленным взором рисовалась карта мира, а на ней зажигалась цепочка из подобных огоньков – светлых людей, готовых накормить, напоить, в банке попарить. Поддержать добрым словом! Вон их сколько, пишут комментарии в интернете – только выбирай.

Зловещая луна вмиг пожухла и перестала пугать. Дорожка из желтого света, бегущая по волнам, ведет путешественника напрямик на Изумрудный остров.

А дальше будь, что будет.

Часть первая. Северный ветер

Лев Мартынов:-) снова на твердой земле

20 апреля, 8:30

Юго-восточное побережье Ирландии

Закрытая запись

До маяка не добрались самую чуточку.

Из утреннего тумана наперерез яхте выступил утес, огромный, как сапог великана. Поношенный. Трещины змеились по голенищу, а отвороты давно позеленели от старости. Великан будто притопывал, танцуя джигу, – иллюзия создавалась за счет того, что вода у подножия безудержно бурлила и пенилась.

– Здесь причалить не удастся, сплошные скалы, – Армен героически пытался перекрыть сразу и треск мотора, и рев прибоя. – Нет смысла рисковать. Возьмем правее, там скоро начнутся песчаные отмели.

Скоро – это хорошо. Болтанка на волнах порядком утомила. На деле же пришлось ждать часа полтора, пока яхтсмен маневрировал – сбрасывал скорость, а то и вовсе глушил двигатель, протискиваясь среди внушительных валунов, торчащих из моря там и сям. Видимо, здешние великаны время от времени вытряхивают камешки из обуви. Пару раз зацепили. Борту «Летучей рыбы» протяжно скрежетнули, но обошлось без пробоин. Наконец, прорвались в бухту. Здесь совсем не чувствовалось ветра, а вода была тихой и гладкой. Зеркало! Лев улыбнулся своему отражению – красивое лицо, почти не осталось синяков и ссадин. Поскреб недавно остриженную под ноль голову и давно небритый подбородок.

– Спустим шлюпку, ты на веслах мигом доберешься до того причала, – моряк махнул рукой в нужную сторону. – Привязывать или тащить на песок не надо, брось в воде. Я через пару часов доберусь до крупного порта и сообщу береговой охране, что потерял лодку в этих краях. Даже если найдут, то никто не подумает о нелегальной высадке. Но я уверен, что не найдут. Местные быстро ее отловят и приспособят для своих нужд.

– Не жалко?

– Для друга – ничего не жалко.

Обнялись на прощанье.

С веслами удалось совладать лишь с десятой попытки. Лодка двигалась хаотическим зигзагом, а потому с первой попытки промахнулась мимо причала. И со второй тоже. И с третьей... Наконец, деревянный нос с глухим стуком ткнулся в настил из грубо сколоченных досок. Лев подтянулся на руках, залез и огляделся по сторонам.

Яхты уже не видно, даже белого пятнышка вдали не осталось. Берег тоже пустынный – рыбаки давно ушли на промысел, а туристы еще не проснулись. Идеальное время, как будто заранее подгадали... Но нет, тупо повезло.

Мокрый песок пружинил под ногами. Лев не заметил ястреба, парящего в вышине, но у пернатого хищника глаза гораздо лучше. С его точки зрения картина выглядела так: два изогнутых мыса охватывают бухту, словно клешни краба. Правый зарос колючим кустарником, на левом выстроились домики с соломенными крышами. К ним-то и ползет двуногая букашка, оставляя на отмели следы от тяжелых армейских ботинок. Козьявка была мгновенно признана несъедобной, и изогнутый клюв повернулся в сторону моря. Блеск чешуи. Бульк! Птицам не нужны формулы, чтобы рассчитать угол падения, при котором сопротивление воздуха сведено к минимуму. У них это врожденное. Черная тень прочертила идеальную параболу, зацепила неосторожную рыбешку – когти вонзились под жабры и в хвостовой плавник, – и унесла добычу в укромное место.

Крик довольного охотника напомнил Льву противные вопли, услышанные недавно...

Где?

Точно!

Сирена на борту дирижабля для отпугивания чаек и прочих глупышей. Тогдашние спутники – Илта и Торбен – приняли сказку о Перелётном женихе близко к сердцу. Самые преданные фанаты. Каждый день выкладывают в интернет картинки с подбадривающими надписями. Датчанин даже уговорил стюардессу «Гренландских авиалиний» – все-таки земляки, в одной стране живут, если разобраться, – подбросить беглеца до Канады. Не близкий крюк, однако, других путей через океан не предвидится. На большие лайнеры без паспорта не возьмут, там все помешаны на безопасности. А с полярного острова крылатый карапуз с пропеллерами перевезет без шума и пыли. Осталось только попасть в те края, где по аэродрому гуляют белые медведи, но и эта проблема решилась благодаря интернету. Бородатый (судя по фото на аватарке) ирландец Шеймус О'Рейли завтра вечером вылетает туда из Дублина за грузом замороженной акулятины и готов прихватить с собой нелегального пассажира.

Вот так неожиданно сложился новый маршрут.

– Where is the road to Dublin?¹

– Куда, блин?

– Туда, блин...

Лев Мартынов:-) завтракает с новыми друзьями

20 апреля, 9:21

Килмор-Ки, Ирландия

Доступно: всем

Издадала казалось, что поперек дороги лежит большая собака. А нет, тюлень. Толстый и лоснящийся. Он подпустил к себе шагов на пять, потом заголосил визгливо, по-старушечьи, и торопливо уполз к морю. Ничего себе! Край непуганой живности. Видимо, люди в деревне хорошие.

А вот сейчас и выясним.

У крайнего дома мужичок в потертой джинсовой куртке чинит велосипед. Точнее сказать, разглядывает. Сидит на корточках, чешет в затылке. Подумал немного и крутанул педаль. Нерешительно провел пальцем по спицам переднего колеса. Дернул закорючку звонка. Склонил голову набок, вслушиваясь в тающий дзыньк.

– Здравствуйте! – сказал Перелётный жених.

– А почему бы и нет-то? – улыбнулся починятель. – Коли ты добрый малый, стало быть, и тебе не хворать.

Лев стеснялся своего произношения, но расслабился, услышав, что творит с английским языком этот тип. Добродушный ирландец не просто коверкал слова, нет. Он растягивал гласные, глотал окончания, а все остальные звуки скручивал в ленту Мебиуса и усугублял горьким смехом. Знай путешественник язык в совершенстве, наверняка впал бы в ступор, как Шекспир от диалогов из фильма «Конан-варвар». Но поскольку и сам с трудом продирался через дремучий лес English grammar², то вполне понимал собеседника.

– У меня, вишь ты, лисапед сломался. Не могу скумекать, что к чему, ковыряюсь помаленьку.

¹ Где дорога на Дублин? (английск.)

² Английская грамматика (английск.)

– Цепь слетела, – кивнул Лев. – Делов-то на пару минут. Подвинься, помогу. Да не переживай, у нас в детстве во дворе такое постоянно случалось. Смотри. Приподнимаешь вот тут и р-раз. Готово. Чего нахмурился? Вроде же быстро починили.

– Ясен пень, цепь слетела, – подтвердил ирландец. – Я же ее сам и своротил, лишь бы на работу с утра не катиться. Кабы не ты, почитай, до самого обеда с ремонтом проваландался. Я же почтарь тутошний, а в этом деле без лисапеда никак не можно, – он снова дзынькнул звончком и вздохнул. – Теперича придется двигать, иначе жинка осерчает. Ох, помяни ведьму, тут же появится!

На крыльцо вышла женщина, которую в любой другой стране мира называли бы «пухленькой» или даже «толстушкой», порождая массу комплексов в этой огненной голове. Но здесь в Ирландии она гордо носила звание «сочная бабенка», оттого и смотрела на мужа свысока.

Впрочем, на всех остальных тоже.

– Откудова к нам такого красивого дяденьку занесло? – язвительно спросила большая хозяйка маленького дома, вытирая мокрые ладони о передник.

– Э-э-э... – попытался объяснить почтальон, но жена шикнула:

– Dún do bhéal dubh!³

И посмотрела на Льва с неодобрением.

– Оттудова, – он махнул рукой в сторону горизонта, где сливались море и небо.

– Это распрекрасно, сэра! Я-то все пытаюсь отвадить соседских пьянчуг, которые шастают к моему недотепа. А бродячим заморышам в нашем доме завсегда радехоньки.

«Бродячий заморыш» напрягся, но судя по сопутствующей улыбке в этих словах не было злого или оскорбительного умысла. Видимо, так здесь называют путешественников, приехавших из-за моря.

– К тому же, гость с утречка – хорошая примета, – подытожила рыжекудрая. – Пойдемте, у меня уж завтрак поспел.

– Красотуля моя, а не выставить ли, по эдакому случаю, кувшин пивасика? Э-э-э... На счастье, так сказать! – встрепенулся ирландец и тут же скукожился под взглядом супруги. – Все, молчу, молчу.

– Руки мыть! Иначе за стол не пуцу.

Лев ополоснул лицо, потом сунул голову под струю воды и хорошенько потер мылом новорожденную шевелюру. Ух, хорошо! А сейчас еще и накормят. До отвала. До икоты и судорог. Вон сколько всего на столе. Огромная сковорода с глазуньей из дюжины яиц. Миска с фасолью, тушеной в томатном соусе. Тонкие ломтики жареной картошки, грибы под незнакомыми шляпками и колбаски с крупинками соли, выступающими на косом срезе.

Хозяйка на секунду отвлеклась от раскладывания ложек, улыбнулась.

– Я Мюрин, но муженек кличет меня Морин⁴. Садись, сэра, и накладывай, что приглянется. Какого пудинга тебе отрезать – черного или белого?

– Ха! Будто он знает разницу, – пробормотал почтальон с набитым ртом. – Этот парнишка впервые ступил на земли Эйре⁵! Дай ему отведасть и черного, и белого.

«Только не горелого!» – неожиданно вспомнился стишок.

На тарелку рухнули два огромных ломтя, наполняя тесную кухню заманчивыми ароматами. А на вкус... Ржавая железка. Не спрашивайте, откуда такие познания. В детстве кроме считалочки про божью коровку были еще стройки, гаражи и свалки. Эти закоулки исследовали с яростным любопытством. Однажды Лев неудачно поскользнулся. Порыжевший гвоздь про-

³ Закрой свой поганый рот! (ирландск.)

⁴ «Мюрин» в переводе с ирландского означает «морская дева», а «Морин» – толстуха.

⁵ Так ирландцы называют Ирландию.

ткнул его щеку и вот тогда во рту был точно такой же привкус. Солёный металл с горчинкой. Может, это ложка виновата?

– Из чего чёрный пудинг? – спросил он.

– Свиная кровь, – радостно сказала хозяйка. – А белый из свиного жира! С овсяным зерном и хлебными крошками.

В желудке что-то предательски булькнуло.

– Вишь ты, морщится с непривычки, – подтолкнул жену локтем ирландец. – Оно и понятно: кровянку не так вкусно уплетать, ежели на сухую. К такому зашибенскому угощению неплохо бы пивка...

– Ой, да ты и мертвого уболтаешь, чертов алкаш. Только одну пинту⁶!

– Конечно, конечно! Разве ж я ради пьянства окаянного?! Я же чтобы человека с дороги уважить, – он тайком подмигнул Льву, азартно потирая руки. – Наливай дорогому гостю да себя не обдели, а после уж и мне капелюшечку.

Хозяйка спустилась в погреб и вскоре принесла полный кувшин. Почтальон уже подсуетился, выставил на стол три пивных кружки. Поразмыслив чуток, заменил одну на маленький стакан с золотой каймой.

– Женщина не должна пить пиво наравне с мужчинами. Иначе у нее потускнеют волосы, а у моей-то красотулечки кудри – пожар! Грешно такими рисковать.

– Скажешь тоже, – фыркнула Мюрин. – Врешь, собака хитрая, но приятно врешь. Не тяни корявки, сама разолью. Вот, видишь, всем хватило. Пожалуйте, сэра. А ты, бесстыдник, пей не спеша, больше ведь не дам!

Напиток по цвету напоминал, скорее, кофе, но искрящиеся пузырьки и высоченная шапка пены не оставляли сомнений – это знаменитый ирландский стаут⁷.

– М-м-м... Я надясь проезжал мимо пивоварни Бимишей. День хмурился, тучи висели набузганные. Но тут, вишь ты, начали обжаривать ячмень и случилось чудо. Дивный запах поплыл по округе, разогнал хляби небесные, в прореху вывалилось солнце, над полем засверкала радуга. А что на конце радуги? Сокровище. Я увидел в том добрый знак, заехал и взял бочонок. На последние шиши, да оно ведь того стоило... Ну, вздрогнули!

Лев зарекался не пить, но негоже обижать радушных хозяев. Один глоток не повредит. Пригубить из уважения. Да.

М-м-м-м...

Действительно, чумовое пиво. Хмель почти не чувствуется. Зато раскрываются изумительные нотки. Погодите-ка, они туда горький шоколад добавляют?! Эх, не разобрал. Хотел ведь глоточек, а в итоге не смог оторваться до самого доньшка.

– Хех! – ирландец тоже выдул пиво залпом и помахал пустой кружкой. – Не спеша, говоришь? А сама-то мухой опрокинула.

– У тебя усы остались, – хихикнула Мюрин.

– У тебя тоже!

Он смахнул пену большим пальцем и звонко чмокнул супругу прямо в губы. Та зарделась от смущения, схватила кувшин, деловито обтерла передником.

– Ладушки, принесу вам добавки.

– Давай я сам.

– Еще чего! Ты там присосеешься к крану и будешь пить, пока не рухнешь замертво. Схожу уж. Токмо чтоб в последний раз!

⁶ Мера объема в английской системе равная 568 миллилитрам. Ирландцы ненавидят все британское и давно перешли на метрическую систему, но пиво по-прежнему меряют пинтами, поскольку пинта больше, чем пол-литра. А когда в кружку наливают больше – это ведь гораздо приятнее, не находите?

⁷ Темное пиво из прожаренного ячменя.

– О, в благословенный день взял я в жены этого ангелочка! – прокричал почтальон ей вслед.

Вторую кружку смаковали и растягивали, пили по чуть-чуть, наслаждаясь ощущениями. Хозяйка жмурилась на солнечный луч, выжигающий на щеке веснушки, довольно кивала, а потом вдруг ойкнула и всплеснула пухлыми руками.

– Нас же давешней ночью обокрали!

– Неужто чегой-то ценное пропало?! – встрепенулся муж.

В его левом глазу явственно проступил страх разоблачения – видимо, почтарь иногда выносил из дома вещички и менял на выпивку, но в этот раз был ни при чем. В правом глазу тут же промелькнуло сожаление, что на этом деле заработает кто-то другой.

– Само собой! Стала бы я иначе шум поднимать?! Злодей залез в холодильник и съел половину рагу из кастрюли.

– Тьфу ты... Я уж подумал...

– Что подумал?

– Не, не, ничего такого... Дети, небось, шалят.

– Вот уж нет. Старший сын уехал на три дня в Лимерик, а близнецы спали крепко, с утра в школу еле добудилась, – и тут ее осенило. – А-а-а-а... Невестка. Она, стервозина. Она!

– О, как! – изумился ирландец. – Наша кабанятка мечтает стать похожей на худышек из модных журналов. Выходит, днем она сидит на диете, а как стемнеет, крадется на кухню и жрет?!

– Может, все-таки мальчики? – предположил Лев. – Я вот часто совершаю ночные набеги на холодильник.

– Тогда бы в раковине остались грязные ложки. Мужчины в этом доме, сэра, воспитаны правильно. Никогда не станут мыть посуду, даже, чтобы отвести от себя подозрения.

Она фыркнула и стала демонстративно убирать со стола. Так, понятно. Гостю пора откланиваться.

– Далеко ли до Дублина?

– Смотря как считать. Ежели прямо сейчас встанешь и пойдешь вдоль побережья, никуда не сворачивая, – он нарисовал пальцем в остатках томатного соуса причудливо-изломанную линию, – то к послезавтрему дошкандыбаешь. А на машине, по дороге, – на этот раз линия получилась прямая и ровная, – часа два-три.

Ирландец облизал палец, отщипнул хлебный мякиш и собрал подливку. Долго жевал, а когда проглотил, сказал:

– Бери мой лисапед! К вечеру будешь там.

Если бы не вторая пинта крепкого пива, Лев подумал бы и отказался. Но история обычно не терпит сослагательного наклонения, так отчего же нашей истории делать исключение?! Хмельной голове совершенно наплевать, что ногам придется крутить педали семь часов кряду, а некоторые другие части тела сотрутся о неудобное сиденье.

– По рукам! Только, как его потом вернуть?

– А, не парься! Въедешь в город по одиннадцатому шоссе, сразу уткнешься в красный дом. Справа, – хотя махнул рукой влево. – Это почта, старейшая в Эйре, смекаешь? Оставь там. Скажи – Брандан из Килмор-Ки лисапед через неделю заберет. Меня там все знают.

– Ой, прямо весь Дублин знает тебя, шалопутный! – усмехнулась Мюрин, обнимая мужа за плечи.

– За весь Дублин я не скажу. Но на той почте точно все знают.

– Получается, ты целую неделю не будешь развозить письма, – удивился Лев. – Люди же возмутятся.

– Наоборот, спляшут на радостях. Наш народ не шибко жалуется почтарей.

– Почему?

– Издавна так повелось. Красотулечка, может, нацедишь еще пивка? Байка-то выйдет аккурат на кружечку.

Хозяйка покачала головой, но пошла в погреб.

– Пользуешься моей добротой, – ворчала она.

– Издавна так повелось. Когда юноша хотел объясниться в любви, он не писал признаний, а сайгачил на луг, рвал там охапку вереска и горечавки, опосля чего топтался под окном девицы, пока та не выглянет. Ну, или пока отец красавицы не прогонит дубиной. Или, вишь ты, когда бабуля из соседней деревни поздравляла внучка с днем рождения, она посылала не телеграмму, а пару шиллингов. В наших краях народ не настолько богат, чтобы тратиться на почтовые марки. Письма отправляет государство. Поэтому соседи знают: почтарь – всегда символ беды.

Он хлебнул из кружки и облизал губы.

– Прадед мой разносил похоронки в 40-е. Эйре в ту войну не вмешивалась, но сто тысяч парней ушли добровольцами в британскую армию. Они гибли на чужой земле каждый божий день. Даже по воскресеньям. На почту приходили пачки сообщений за подписью треклятого Уинни⁸. Прадед складывал их в сумку и раз в месяц обходил наш городок, семь окрестных деревень и полсотни далеких ферм. У старика не было правой ноги, только скрипучая деревяшка, потому ходил он медленно, постукивая протезом. Этот стук пугал людей до смерти. Матери и жены, заслышав издали жуткие звуки, закрывали окна. Молились: «Господи, пусть он пройдет мимо!» Мальчишки разбегались в ужасе, с криком: «Берегитесь! Траурный вестник идет!» Так его прозвали за черный мундир.

– Но ведь война кончилась!

– На континенте, может быть. А у нас на острове... Слышал про «Шинн Фейн», «Кланн-на Поблахта», ИРА? Отряды боевиков взрывали бомбы на севере, но среди них было немало парней с юга. Так что и моему деду пришлось разносить похоронки в 60-е и в 70-е. А еще повестки: матерей вызывали в суд, чтобы они давали показания против своих детей. Дед завел упрямого осла, который поминутно останавливался и орал благим матом, требуя жратвы. Пока скотина паслась, ощипывая придорожный чертополох, дурные вести не расползались по округе.

Ирландец надолго припал к кружке.

– Отец думал, что времена, наконец, поменяются. Но и на его долю хватило «писем из ада». В конце 80-х полыхнуло в Ольстере и Белфасте, британцы ловили наших парней сотнями, а в тюрьмах многие из них умирали. Люди снова начали шарахаться, едва завидев почтаря. Отец ездил на пикапе и заправлялся всегда на пару пенсов, чтобы машина непременно заглохла где-нибудь посреди полей. Там и сидел весь день, глядя на облака, а вечером возвращался в почтовую контору и говорил начальнику: «Ладно, до завтра подождут. Хоть эту ночь поспят спокойно!»

Он допил пиво, постучал по доньшку, подгоняя последние капли.

– Мне, считай, дико сvezло. Я всего лишь развожу штрафы, счета за электричество и прочие бумаги, которые не радуют соседей. Но если я задержусь на неделю, значит, люди чутка проживут без нервоотрепки. За это стоит выпить еще, а?

– Ишь, чего захотел! – нахмурилась Мюрин. – Я-то, наивная, обрадовалась. Думала, позовем в гости культурного человека, а не твоих свинорожих собутыльников, хоть денек трезвым походишь. И чем все кончилось?! Нарезался, ирод, и, поди же ты, все мало!

Да уж, пора не просто откланиваться, а бежать. Иначе угодишь под раздачу.

Лев встал из-за стола.

– Так в какую сторону, говоришь, ехать?

⁸ Уинстон Черчилль, премьер-министр Великобритании (1940–1945 гг.)

**Лев Мартынов:-(крутит педали
20 апреля, 10:42
Где-то на дороге в Дублин, Ирландия
Доступно: всем**

Ирландцы народ общительный, приветливо машут руками и смешными бесформенными шляпами. Крутят пальцем у виска. Не ясно – с чего бы?! Сами гоняют по проселку, как безумные, а человек спокойненько едет на велосипеде, правил не нарушает. Конечно, после темного пива в голове шумит, но не настолько же. Может в здешних краях красная рубаха – отличный знак сумасшедших? Или язык жестов тут другой?

А, ну их всех в...

Лев свернул на шоссе и мгновенно протрезвел. Даже велосипед испугался, встал на дыбы. Автомобили, взрыкивая и сигналив, неслись прямо по встречной. В четыре ряда. Стадо бизонов, как в мультике «Король лев».

Эй! Вы совсем очумели?!

Нет, Левушка, это ты полосы попутал. На острове левостороннее движение. Вспомнил? Осознал? Хорошо.

Теперь замри.

Черный «Ниссан» промчался мимо, оскорбительно гудя.

Увернись от «Тойоты»! Молодец. И хватит разглядывать блестящие значки на хромированных мордах. Разве важно, какая именно машина раскатает тебя по асфальту?

Лавируй!

Уходи вправо!

Вот крайний ряд начал притормаживать. Выпускают тебя, придурка.

Съезжай на обочину.

Так, дыши. Дыши, говорю! Руки трясутся? Правильно. Странно, что колени не дрожат. Ладно, успокойся. Главное – живой.

Катись, потихонечку. До столицы еще... Охохонюшки! Если верить указателю, 150 километров.

А с чего бы ему не верить?!

**Зинаида Мартынова опубликовала видео
«Танцуем джигу. Счастье!»
20 Апреля, 21:43
Дублин, Ирландия
Доступно: всем**

Вечерний Дублин, прямо скажем, не впечатлял.

Окраины из серого и коричневого кирпича, сплошь заросшие спутанными космами плюща. Вороны. Везде вороны. Кружат над шербатыми тротуарами, чистят клювы о ветви вязов, сидят на телефонных будках – совсем не радостно-красных, как в соседней Англии, нет, здешние выкрашены в традиционный ирландский цвет, но выглядят до того мрачно, что сразу осознаешь: именно так и должна выглядеть тоска зеленая!

Самым ярким пятном здесь была его цыганская рубаха. Лев ковылял по улице, слегка пошатываясь. Нет, вы не подумайте, хмель давно выветрился. Он еле шел от усталости. После подобной велогонки и профессиональный спортсмен педали отбросит, даже если залит допингом по уши. Хорошо еще последние сорок километров подвезли жизнерадостные волонтеры Общества трезвости на раздолбанном автобусе. Подобрали изнемогшего и задыхающегося на обочине, в сумерках, еще чуть-чуть и пришлось бы ночевать в полях. Довезли до города.

Помогли закатить «лисапед» на почту, грустно покачали головами на прощанье и уехали с проклятиями на устах.

Возможно, не стоило спрашивать у закоренелых трезвенников, где находится бар «Черная Бетти». Но что поделать, именно там ему назначила встречу кузина. Зина с детства увлекалась традиционными ирландскими танцами. Год назад она в составе московской сборной прилетела на чемпионат мира в Дублине. Выступили девушки не то, чтобы позорно... Предпоследнее место, да. Но трио из Никарагуа все-таки удалось обойти. Домой вернулись с навязчивой идеей снова нагреть на родину джиги и утереть нос местным плясуньям. А про этот паб, где подружки заливали горе, Зина двоюродному брату все уши прожужжала.

Назвали забегаловку в честь самого знаменитого палача за всю историю Ирландии. Так и просится на язык «палачихи», но у этой кровавой профессии нет версии для женского рода.

Оно, конечно, по части безжалостных пыток дамы, пожалуй, способны дать фору любому головорезу, однако предпочитают заниматься этим на кухнях и в спальнях, терзая исключительно своих мужей. «Где ты шляется? Опять все деньги прогулял?!» А леди Элизабет жила с супругом душа в душу, всю злость и обиду вымещала на преступниках. Вешала воров, сжигала ведьм на костре и слыла настолько умелой мастерицей заплечных дел, что ее именем даже триста лет спустя пугают дублинских малышей: «Будешь шалить, тебя заберет Черная Бетти!»

Впрочем, детей в одноименный паб не пускают. Их папаши весь вечер подписывают себе приговор, напиваясь до бесчувствия, пока матери распалываются на кухнях, готовя скалки и сковородки для встречи приговоренных.

Лев спустился в подвал.

Протиснулся между двух рядов огромных дубовых бочек с виски, потемневших от времени и обворожительно-ароматных, кажется, вдохнешь поглубже – сразу опьянеешь. Дым сигарет колыхался под потолком, прилипая к пыльным абажурам. Все, кому не хватило места за барной стойкой, расселись по темным углам. На ярко освещенном пятачке в центре паба стоял лишь один столик, понятное дело, именно это местечко выбрала Зинуля. Успела сделать пару фоток для своей странички, туда же выложила зажигательное видео с танцевальной битвы. Лев посмотрел ролик, пока трясся по ухабам в автобусе, написал сообщение: «Приятно встретить на чужбине родственную душу». В ответ получил кучу смайликов и адрес. Час спустя прибыл в паб, но от хорошего настроения кухни не осталось и следа. Она рыдала, роняя слезы в кофе по-ирландски.

Дык, ёлы-палы...

– Здравствуй, сестра! – он подсел к столу и приобнял девушку за плечи. – Рано ты начала оплакивать мою судьбу. Я, конечно, по уши в...

– Вот! Ты всегда был эгоистом, – огрызнулась Зина, стряхивая его руку. – Только о своих проблемах и думаешь.

Кузина промокнула глаза салфеткой, скомкала и швырнула на пол.

– Хотя, чего еще от вас ждать? Все мужики – сволочи!

– Кто тебя обидел?

Лев насупил брови и огляделся, втихаря надеясь, что удастся избежать разборок – вокруг сплошь хмурые мордовороты с пудовыми кулаками, явно не дураки подрасться. Но все они жались к стенам, старательно отводя глаза. Когда женщина плачет, все ирландские мужчины автоматически чувствуют себя виноватыми, а это очень неудобно.

– Что за горе?

– Айфон разбила, – Зина всхлипнула и протянула телефон.

– Это же нокия, – Лев повертел в руках старенькую трубку. – А где айфон?

– Дома. Неужели непонятно?!

– Не особо. Но я так скажу: разбитый телефон – не повод для слез.

– Конечно, не повод. Стала бы я расстраиваться из-за такой ерунды.

А, вот и ты, женская логика!

– Давай по порядку, – взмолился Лев, – иначе у меня сейчас мозг взорвется.

– Был бы у тебя мозг...

Зиночка вытерла щеки тыльной стороной ладони и поведала грустную историю: накануне вылета уронила золотое «яблочко» на кафельный пол в ванной. Экран вдребезги, все же на защитной пленке экономят. Пришлось взять старую трубку, которой муж пользуется время от времени.

– Она стремная, конечно, но это же запас на черный день. Потерплю, думаю, – вздохнула девушка. – Приехала в аэропорт, прошла регистрацию. Сидела в накопителе и, от нечего делать, решила проверить входящие сообщения.

– От нечего делать? – усмехнулся Лев.

– Спонтанно все вышло. Не то, чтобы я подозревала Валеру, но мелькнула мысль, а вдруг там что-то такое.

– Какое?

– Ты зубы-то не скаль. Сам знаешь какое. И, главное, ничего не нашла. Чисто! Спокойно полетела в Дублин. Потом плясали, гуляли по городу, отмечали бронзовые медали. Ты объявился неожиданно-негаданно, я на радостях прилетела в этот паб. Заказала кофейку и вдруг мелькнула новая мысль. Проверить еще и отправленные сообщения. На всякий случай. А там...

Зина снова заплакала.

Понятно.

Влип Валера.

– Представляешь, этот кобель забыл стереть переписку с любовницей.

Лев попытался перевести все в шутку.

– Ты же всегда говорила, что муж надежен, как швейцарский банк.

– А оказался такой же мразью, как Сбер!

Услышав яростный рык, многие завсегдагаи «Черной Бетти» спешно засобирались по домам, напоминая картину художника Маковского «Дети, бегущие от грозы». В прокуренном пабе ирландцы веками прятались от семейных разборок, но теперь эти самые разборки нагрянули прямо сюда. Суровые дядьки не понимали по-русски ни слова, но интонации угадали моментально. Подобная нервотрепка ждет их вскорости на пороге родного дома. А кому охота дважды выслушивать крики разъяренных женщин?!

– погоди, зачем сразу о плохом думать? – Лев поежился, но не отступил. – Женам везде любовницы мерещатся. Может, не так поняла?

– А чего там понимать? Все прямым текстом написано! – отрезала кузина. – Сам прочти. И попробуй убедить меня, что это не так.

В ее голосе звенел металл, но заплаканные глаза умоляли найти любое другое объяснение. Не секрет, что Зина боготворит мужа и, скорее всего, с радостью ухватится за иллюзию, которая поможет сохранить семейную гармонию.

– Ладно, давай посмотрим.

– Вот это, например, – она открыла короткое сообщение. – Пишет какой-то телке «ЛЮБИМАЯ». Скажешь, это не измена?! Тут вообще могут быть другие варианты?!

– Ой, куча, – отмахнулся Лев, хотя еще понятия не имел, как удастся отмазать этого идиота. Придется импровизировать. – Валера же у тебя ярый болельщик, так?

– Так. Но при чем тут...

– Не перебивай, я же объясняю. Представь, смотрят мужики футбольный матч на стадионе, полчаса смотрят, час, тягомотина страшная, никто не может в ворота мячом попасть. Российский футбол, не «Барселона» с «Баварией»... И кто-то из приятелей пишет твоему Валере со стадиона: «НЕ ПОЙМУ, „СПАРТАК“ ТВОЙ ПО ХОДУ СИЛЬНАЯ КОМАНДА ИЛИ СЛА-

БАЯ?» Лично я бы ответил: «ЛЮБИМАЯ» Не задумываясь, ответил бы. Пусть наши играют через пень-колоду, пусть не могут одолеть даже какой-нибудь «Отстой» из Зажопинска, но мы-то не перестанем поддерживать команду. Потому что любим!

– Ненавижу эту вашу упыриную солидарность, – вздохнула Зина, но, кажется, уже не так тяжело. – Ты ему должен рожу начистить, за поруганную честь сестры, а не выгораживать эту сволочь.

– Я и начищу. При встрече, – с воодушевлением воскликнул Лев, тайком вытирая испарину со лба. Кажется, гроза прошла стороной. – Просто ты зря вот так, сестренка, из-за одного сообщения...

– Одного? – снова захохотал гром. – Если бы! Их десятки, и все за гранью.

– Про любовь? – осторожно уточнил Лев.

– Хуже. Про секс! Смотри, смотри. «СКУЧАЮ» и «ЦЕЛЮЮ». Мало?

Куда уж больше. Валера, Валера... Каким же идиотом нужно быть, чтобы почистить все входящие сообщения, а про исходящие тупо забыть?! При этом раскладе остается только вымалывать у присяжных вердикт о полной невменяемости подзащитного. Да и то, без особых шансов на успех. Но раз уж ввязался...

– Понимаю, как это выглядит, – кивнул Лев, – хотя и тут явных доказательств измены нет.

– Пф-ф-ф! Ты прикалываешься?

– Отнюдь. Ты не принимаешь в расчет, что мужчины часто жалуются друг другу на тяготы семейной жизни. Я представляю, что один из приятелей Валеры написал: «ПРИШЛОСЬ ИДТИ СО СВОЕЙ ПО МАГАЗИНАМ. ТЫ ЧТО ДЕЛАЕШЬ, ПОКА ЖЕНА В ШОПИНГЕ?» Твой и ответил: «СКУЧАЮ». Мы все скучаем, пока девочки выбирают помаду или туфли примеряют. Это не секрет, и уж точно не повод для подозрений.

– А поцелуй? – вскинулась Зинуля. – Поцелуй – это точно криминал!

– Согласен. Только это не поцелуй.

Ох, что же ты несешь, Левушка... Кузина задыхнулась от возмущения, что дало лишних три секунды на размышления.

– Это обеденный перерыв. Сидит твой муж в офисе, а его коллега вышел за едой на всю компанию. Спрашивает: «ТЕБЕ КУРИЦУ-ГРИЛЬ БРАТЬ ПОЛОВИНКУ ИЛИ ЦЕЛЮЮ?» Голодный Валера ему и отвечает: «ЦЕЛЮЮ».

– Издеваешься? – кузина улыбнулась, пусть горько и через силу, но все-таки улыбнулась. – Хорошо, раз ты такой хитро-мудрый, растолкуй вот это. «НЕ МОГУ БЕЗ ТЕБЯ»! А?

– Это только с виду катастрофа, – надо развивать успех, хотя оправдания выдумывать все труднее. – Стопудово рабочая переписка. Типа коллега пишет: «С КВАРТАЛЬНЫМ ОТЧЕТОМ К ШЕФУ ИДИ БЕЗ МЕНЯ». У тебя муж экономистом работает? Скорее всего, что-то похожее и было. А ты сразу ревновать.

– Ну-ну, – она пролистала несколько сообщений и резко повернула экран. – «ПРЕЗЕРВАТИВЫ КУПИЛ, СКОРО БУДУ». Тоже, скажешь, не повод для ревности?!

– Хм-м. А если это продолжение истории с квартальным отчетом... Допустим, документ не понравился начальнику. Кто-то из офиса предупреждает: «ШЕФ В ЯРОСТИ, НАЗНАЧИЛ СОВЕЩАНИЕ ЧЕРЕЗ ЧАС. ГОТОВЬ ВАЗЕЛИН». А Валера в ответ отшучивается. Да, не слишком пристойно, но мы, грубые мужланы, частенько именно так и общаемся.

Зина помотала головой.

– Я бы и рада поверить, но... Вот это он написал утром, за несколько часов до моего отъезда в аэропорт: «ПРИЕЗЖАЙ ЗАВТРА ВЕЧЕРОМ, ЖЕНЫ ДОМА НЕ БУДЕТ!»

Да-а-а. Похоже, дать в морду Валерке все же придется.

– Понимаю, сомнительная ситуация. Конечно, легко заподозрить что-то ужасное. Но..., – соображай скорее, пока она снова не зарыдала. – Но... Муж ведь может готовить тебе сюрприз. Новый айфон! – отличная идея, сестра аж рот раскрыла от удивления. – Ты разбила телефон.

Он заказал новый по интернету, с розовым чехольчиком. Не хотел, чтоб ты узнала об этом, иначе сюрприза не получится. Написал курьеру, когда лучше привезти. Видишь, все сходится. Это сообщения разным людям. Жаль, номера тут не сохраняются – иначе ты бы позвонила и убедилась, что нет там никакой любовницы. И не будет. Это же Валерка, самый верный и надежный...

– Перестань! – скривила губы кузина. – Ты меня сейчас убеждаешь, а я не верю. Что же я, дура распоследняя? Приеду домой и если там нет нового айфона, то закачу грандиозный скандал, соберу вещи и уеду к маме.

– Кстати, – Лев ухватился за прекрасную возможность перевести тему, – как там тетушка? Не болеет?

– Нет, но дико обижена на тебя.

– За что?

– Ты же ее с невестой не познакомил, – прищурилась Зина, – и меня тоже. Хотя не чужие ведь люди... А что это за безумная затея с путешествием по всему миру? Прочитала у тебя на страничке, но ничего не поняла.

– Долгая история, – пожал плечами Перелётный жених.

– Тогда я сначала пойду и умоюсь, а то страшная, наверное...

Лев дождался, пока кузина скроется за стойкой, и вытащил свой телефон. Номер наизусть не вспомнить, но соцсети опять выручают.

Так.

Валера, ты где?

Зеленый огонек, полный онлайн.

Открываем чат.

«Привет, изменник!»

«Ась?»

Суть дела пришлось излагать коротко и матерно, чтоб поскорее дошло. Валера все понял и пообещал к приезду Зиночки приготовить подарок с розовыми бантами.

«Букет купить не забудь! Я запарился тебя оправдывать. Вертелся, как адвокат одного рогатого существа».

«Дьявола?» – рядом с буквами появился фиолетовый смайлик.

«Если бы... Козла!» – никаких тебе улыбочек.

«Ты не спеши меня клеймить», – наверняка в этот момент Валера показал средний палец экрану компьютера. – «Сам-то дел наворотил! Сегодня днем человек в погонах приходил. Расспрашивал, где тебя носит, нет ли вестей. Я пока молчу. Мы же своих не сдаем, верно?»

«Что за человек?»

«Фамилию не запомнил, но, вроде, Белорусов».

Лев выругался вслух. Быстро сориентировался Белопузов. Подполковник не мечется по Парижу или Лондону в поисках беглеца. Вернулся в Москву, решил на родственников надавить...

В чате же написал совсем другое:

«Не обращай внимания, это знакомый шутит».

«Точно? Он из Следственного комитета. Там обычно не шутят».

«Все, отключаюсь. Зина пришла».

Сестра плюхнулась на стул и залпом допила кофе.

– Ну, рассказывай, Левушка, что за невесту ты от нас скрываешь!

Зинаида Мартынова:-) вспоминает детство

21 Апреля, 02:02

Хостел «Абигейл», Дублин

Доступно: друзья поблизости

Шли они нетвердо. Зато теперь Лев оценил прелесть дублинских мостовых. По пути к пабу его раздражало, что булыжники выпирают то тут, то там, норовят свернуть ногу идущего или стукнуть в пятку – это, скажу я вам, весьма болезненно, чувствуется даже через толстую подошву ботинок. Жуть, одним словом! Но...

Это когда ты трезвый.

А дороги в ирландской столице строились для выпивох. Пять шотов виски, и ты шагаешь как король по зеркальному залу. Не спотыкаешься, не шатаешься из стороны в сторону, осанку держишь величественную. Издалека и не скажешь, что наклюкался. Полицейские не сверлят пьянчужку подозрительным взглядом, а жена на пороге дома только руками всплеснет: «Святой Патрик, да неужто мой обалдуй сегодня тверезым возвратился?!» Потом уж, как поближе заявишься, она вцепится в патлы супруга или поленом огреет, но это уж дорожные мастера не виноваты. Они сделали все, что могли.

Дальше сам выкручивайся, обалдуй!

– Как же тебе объяснить, – Лев остановился под фонарем, подыскивая слова для продолжения философской беседы. – Помнишь, мы в детстве смотрели мультик про мишек Гамми? Вот мы такие же мишки. Только породы разные – моно-Гамми и поли-Гамми. Те, кому достаточно одного партнера и те, кому недостаточно.

Зина кивнула и тут же пожалела об этом, поскольку голова закружилась, а все точки опоры разом исчезли. Лев подхватил кузину, другой рукой вцепился в фонарный столб и лишь чудом сумел удержать равновесие.

– Выбрала ты, к примеру, Валеру. Не самый лучший выбор, но не о том речь. Как считаешь, ты сможешь не изменять ему? Всю оставшуюся жизнь?

Она снова кивнула. На этот раз маневр прошел гораздо спокойнее, хотя перед глазами поплыли светящиеся круги.

– Всем девочкам нужен один. Единственный!

– Что же получается? Ты и вправду моно-Гамми? – хмыкнул Лев.

– Конечно. Иначе нет смысла затевать семейную жизнь.

– Не верю, что кто-нибудь сумеет выдержать без измен даже год. Не говоря уже про всю оставшуюся жизнь... Я вот никогда не был настолько верен ни одной своей подружке.

Зина хихикнула.

– Ты говоришь «подружка», значит, веришь в дружбу мужчины и женщины! Или ты под-разу... разу-ме... Подразу..., – слово давалось ей с трудом, даже по частям произнеслось не с первой попытки, однако нет худа без добра: круги перед глазами перестали мельтешить. Может, это потому, что они ушли от фонаря?! – Или ты подразумеваешь, фух... что у тебя с ними был секс...

– После восемнадцати лет я никогда не называл словом «подружка» тех, с кем не было секса.

– Во-о-от! Это все потому, что ты Козерог. Астрология самая точная наука. Зодиак нас всех насквозь видит!

– Да уж, – горько усмехнулся Лев. – Наши далекие предки дали маху, когда искали на звездном небе фигурки и придумывали им названия. Вот почему они не включили в Зодиак созвездие Мудака, а? Я бы стопудово под ним и родился...

Что за мрачные мысли, Левушка? С недосыпу? От похмелья? Или напала необъяснимая ирландская тоска, которую обычно вызывают крики диких гусей, с шумом пролетающих над безмятежными водами реки Лиффи?

Нет, это слишком примитивно, любой психотерапевт посоветовал бы копнуть глубже. Что ж, попробуем. Он закрыл глаза. Так легче сосредоточиться. В голове сразу зазвучал пьянький голосок кузины.

«Лёва не боится признаться, что чайник спалил».

Было дело.

Плавил в чайнике свинец, чтобы грузила для рыбалки отлить. Задымил всю квартиру. Чайник угробил. Получил за это от отца даже не леща, а целого лосося. Щека горела неделю. Но что важнее всего, он тогда ни в чем не признавался. Не требовалось никаких признаний или доказательств, застукали на месте преступления. Лев, услышав шаги родителей, бросил чайник в раковину и нырнул под кухонный стол, чтобы спрятаться под свисающей клеенкой. Затаил дыхание, а вдруг не заметят.

Хрен-то там! Выволокли, отлупили, наорали. Месяц не подпускали к телевизору. Но родным и знакомым, выходит, передавали эту историю по-другому. Врали, что сын не пытался бежать или прятаться. Честно признался во всем. Принял экзекуцию достойно. Понятно, чего уж. Сор из избы мести никому не охота. Даже если ребенок не идеальный, для всех остальных он должен выглядеть героем и примером для подражания, а родители его и так любить будут. Куда им деваться-то.

Виски стянуло невидимым обручем, а в глазах на миг потемнело. Папа умер три года назад от инфаркта. Мама пережила его всего на два месяца, тоже – сердце прихватило. Страшно подумать, как бы они отреагировали на визит следователя или на новость об аресте своего драгоценного сына...

Лев подобрал камушек и задумчиво перебросил его через парапет моста. Прислушался, ожидая бульканья. Вместо этого раздался мат возмущенного лодочника. Надо бежать!

Ты же по-другому не умеешь. Нашкодил – и бежать.

Бежать через череду дней и ночей, встречая разбойников, призраков, великанов, стариков, юношей, жен, вдов, братьев по духу, но всякий раз узнавая в них лишь самого себя.

Так, стоп!

Пора завязывать с улиссовщиной. И с алкоголем, пожалуй, тоже. Хотя это невероятно сложно. Святой Патрик прогнал из Ирландии всех змей, но зеленого змия оставил. Он ведь с нашим знаменем цвета одного...

Лев побродил по набережным, сосчитал от скуки все башни на окрестных соборах, а к пяти часам пополудни подошел к музею пива, где ему назначил встречу пилот О'Рейли. Румяный крепыш с волосами цвета пионерского костра, уже ждал его, притопывая от нетерпения.

– Привет, дружище! Я Шеймус, – он стремительно обнял Льва, со всего размаху хлопнул по спине и потащил за собой. – Пойдем, скорее.

К главному входу в музей выстроилась очередь из туристов, но ирландец свернул к неприметной двери за углом. Билетов здесь не потребовали, охранник махнул рукой: проходите, не стесняйтесь.

– Сюда!

Они торопливо зашагали по просторным залам и крутым лестницам, обгоняя толпы экскурсантов, глазающих по сторонам. На седьмом этаже, когда Лев уже изрядно запыхался, открылась обзорная площадка. Добродушные девушки в зеленых жилетках протянули им по высокому бокалу темного пива и стали наполнять емкости для следующих посетителей.

– За знакомство! – улыбнулся Шеймус.

Лев отсалютовал в ответ, выпил половину залпом и с любопытством огляделся. Река натянулась синей лентой между скрюченными пальцами старинных домишек. Далекий холм в Феникс-парке протыкала белая колонна, отсюда она смотрелась не толще зубочистки, хотя вблизи производила более величественное впечатление. Чуть наискосок выползал кривобокий мост О'Кейси. Надо же, миллионы людей годами проклинают «яблочную» автозамену, которая исправляет все «ОК» в сообщениях на «О'Кейси», а здесь в его честь вон какую штуку отгрохали.

Одним словом...

– Красота.

– Красотой горло не промочишь, – Шеймус вытер губы ладонью. – По мне куда приятнее пинта доброго пивка. В пабе такая стоит пять евро. Конечно, там есть пойло и подешевле, да только кому охота бурду хлебать? Здесь же наливают лучший «Гиннесс» каждому, кто купит входной билет. Нас пропустили по дружбе, так что, получается, вообще бесплатно! Плюс вот те хрупкие леди свое пиво лишь пригубят, ну, может, сделают пару глоточков, так и пусть. Но потом поставят стаканы на стол, и экскурсия пойдет дальше. А мы останемся и допьем. Выйдет почти по две пинты на брата.

Лев удивленно посмотрел на летчика, но тот истолковал по-своему.

– Нет, если ты брезгуешь допивать за девчонками, то я могу и три осилить. Хотя чего тут брезговать... Красивые барышни, поцеловаться с любой из них ты бы вряд ли отказался, а?

– Да ну их в баню! Как же ты самолет поведешь?

– А что тебя смущает, дружище?

– Э-эм... Это же опасно. За руль машины пьяному нельзя, а самолетом управлять еще сложнее.

– Ой, прям! В нашем деле все иначе устроено. Смотри...

Пилот поднял свою пинту левой рукой, а правой ухватил недопитый бокал, оставленный субтильной туристкой. Несколько раз примерился, сближая и разводя их в последний момент.

– Вот так выглядит поток машин. Тесно. Со всех сторон притираются другие тачки. Если вести нетвердой рукой, то легко задеть или врезаться. Но мы-то будем лететь в бескрайнем небе, там тесноты не наблюдается. Там простор!

– Но все-таки...

– Боишься? Думаешь, я опьянею? – Шеймус смачно рыгнул. – А даже если и так, то на стадионе мы все выкричим.

– На каком стадионе? – остолбенел Лев.

– На центральном, – выдохнул летчик, допивая третью пинту. – Ты что, с Луны свалился? Сегодня же финал кубка!

Шеймус О'Рейли:-) смотрит футбол с Львом Мартыновым

21 апреля, 19:00

Дублин, стадион «Кроук-парк»

Доступно: всем

Стадион напоминал продолговатую супницу с отколотым краем. С трех сторон торчали козырьки, но Шеймус направился к открытой трибуне, где бесновались самые отчаянные болельщики. Может быть, ее специально оставили без крыши, в надежде, что внезапно хлынувший дождь остудит буйные головы, однако это не помогало. От льющейся с небес воды фанаты становились злее и агрессивнее. Промокшая толпа свистела, рычала, размахивала флагами, шарфами, кулаками и зажатыми в них пивными бутылками.

Лев оглох от гула стадиона, от грохота ирландских бубнов, визга волюнок и жестяных вистлов⁹. Да и кровь стучала в ушах – мама не горюй. Инстинкт самосохранения требовал немедленно уносить ноги подальше от жуткого сборища хулиганов. Бежать, да-да. Бежать и прятаться. Не время изменять прекрасной традиции. Разворачивай оглобли, Лёвушка! И в любой другой день он бы даже послушался.

Только не сегодня. Ведь если прямо сейчас сыграть труса, то обиженный летчик, чего доброго, обломает ему ночной перелет до Гренландии. А застревать в Дублине нельзя. Следователь прочесывает интернет в поисках свежих фотографий Перелётного жениха, а их утром аж пять штук выложили. Или шесть? Зина тоже шелкнула на телефон двоюродного брата, для чего – непонятно. То ли маме показать, то ли раструбить на весь мир, что беглец от правосудия скрывается в Ирландии.

Он вздохнул и поплелся следом за Шеймусом, а тот продолжал разглагольствовать:

– Футбол нужно смотреть живьем, на стадионе. Телевизор не дает ощущения единства с командой. Они под дождем играют, грязь месят, а ты в сухой комнате, на диване валяешься... Нет, мы должны быть здесь, тем более – на финале!

– Зато по телевизору повторы показывают, – пожал плечами Лев, привыкший смотреть игры с комфортом, в спортивном баре. – А еще комментаторы, если хорошие попадутся...

– Комментаторов и здесь навалом, – усмехнулся О'Рейли. – Каждый болельщик на трибуне будет орать свои комментарии, не выбирая выражений. Все, пришли. Занимаем эти места.

Летчик оттер плечом косматого детину, уселся на широкую скамью. Великан побагровел, вцепился в плечо нахала и замахнулся для оплеухи, но Шеймус свернул из пальцев замысловатую конструкцию, ткнул ему под нос. Амбал ослабил хватку. Трое его дружков приветливо заулыбались, подвинулись, освобождая места, и загомонили все разом.

– Хорошие ребята. Кевин, Гевин, Девин и брат Кевина, – переводил пилот, пожимая протянутые руки. – Врач, бакалавр с философского факультета и двое докеров из дублинского порта. Я им вкратце перескажу про твое кругосветное путешествие? Не против?

Фанаты внимали истории с почтительным изумлением, с других рядов подтягивались незнакомые люди, желавшие обнять Перелётного жениха и пожелать ему удачи в нелегком испытании. Адские псы, всего пять минут назад извергавшие из луженых глоток бешеный рев, огонь и серу, присмирели и стали дружелюбными щеночками. Любопытно, как Шеймусу удалось сотворить такое чудо? И что за странный знак он показал брату Кевина? Опять же, на стадион летчика пропустили без билетов – он пошептался с охранником и тот отодвинул заграждение.

Черт побери, непростой парень Шеймус О'Рейли...

Лев не успел додумать эту мысль. Сорок тысяч болельщиков заорали в едином порыве. Команды вышли на поле. Слева встали крепыши в желтых футболках и зеленых трусах, справа – в темно-синей форме. Что-то их многовато для футбола. В каждой команде раз, два, три... по пятнадцать человек, да еще и на скамейках запасных примерно столько же. Больше похоже на регби, и ворота привычные для этой игры: высоченные столбы на противоположных краях поля. А под ними еще одни – футбольные, с перекладиной, сеткой и вратарем.

Как тебе такое, Илон Маск?

– Это Peil Ghaelach¹⁰, – Шеймус старался перекричать шум стадиона и ему это почти удалось. – Особый футбол, в него играют только в Эйре.

– Я догадался, – кивнул Лев. – Смесь регби и футбола.

– Не только. Видишь три зоны на поле? В первой играют только ногами. Во второй можно нести мяч в руках, но через каждые четыре шага обязательно надо стукнуть им о землю...

⁹ Традиционная ирландская дудочка.

¹⁰ Гэльский футбол.

– Как в баскетболе.

– ...или о свою ногу. Так тоже можно. А со штрафного мяч бьют кулаком, и если он залетит между тех высоких столбов, то засчитают гол.

– Волейбол какой-то получается. Сколько же всего тут намешано? И главное, зачем?

– А чтобы не скучно было, – захохотал летчик, но тут же взвыл. – Выдрина выбоина! На ровном месте мяч потеряли...

Команда дублинцев принимала непримиримых соперников из графства Донегол. На открытой трибуне фанаты в синих куртках и футболках поддерживали столичную сборную, а Шеймус топил за желто-зеленых.

– Я же на севере родился, – пояснил он, – в Дублине меньше года. Так что сердце мое по-прежнему в Донеголе. О, смотри, смотри!

Зрители вскочили со своих мест в едином порыве и начали материться. Помощник судьи за воротами поднял белый флаг.

– Это плохо? – переспросил Лев. – Кто-то сдается?

– Это отлично, дружище. Нам засчитали гол. Донегол вырвался вперед. Впере-е-е-ед!

– Шеймус, на нас косятся уже. Вон тот здоровяк с бородой и хмурая гоп-компания подростков.

– Эти к нам не сунутся. Прыщавая шайка еще маловата тягаться со взрослыми. Бородача я завалю с трех ударов, – пилот прищурился в сторону соперника и презрительно сплюнул, – а, может, и с двух. Ты лучше сам покричи. Сидишь как мышь, никакой в том радости нет.

– Что кричать? – растерялся Лев.

– Сам решай. Здесь можно кричать все, что душа пожелает. Никто не осудит.

Душа, еще на первых минутах матча забившаяся в пятки, встрепенулась и начала разминать поникшие крылышки. Пересохшее горло сопротивлялось до последнего, но звуковая волна, родившаяся где-то под ребрами, набирала силу и пробивалась с боем к стиснутым зубам. Последний рывок и вот она, свобода.

– Так! Так! Только так!

Атакуют наш «Спарта-а-ак»!

В самом конце Лев сорвался на визг, но фанаты вокруг одобрительно загудели. Портовый грузчик пихнул его в плечо, а бакалавр показал большой палец. Никто не понял смысла, ну и пусть. Эмоции важнее.

Кричалка выплыла из замшелых глубин подсознания. Самое начало 90-х. Для всех взрослых людей привычная жизнь рухнула в тартарары, а планы и мечты разлетелись на мелкие осколки. Мать рыдает в очереди за сахаром, а он, семилетний мальчишка, стоит рядом и шепчет: «Пусть Черчесов отстоит на ноль!» Если повторить это тысячу раз, то любимая команда победит. Он тогда в это твердо верил. Мальчишки во дворе убеждали, что это великая тайна, которой не знают болельщики других команд. Гена из последнего подъезда, Костя-косой и Максим, который был на три года старше и уже состоял на учете в детской комнате милиции. Эти парни врать не станут! Скажи тысячу раз, что наши победят – так и случится...

– Вот, совсем другой коленкор, – вскинул руки Шеймус. – Давай еще, дружище.

По трибунам катилась волна, захлестывая болельщиков обеих команд. Лев стянул через голову промокшую насквозь рубаху и, размахивая ей, будто красным знаменем, заорал:

– И во сне, и наяву,

За «Спартак» я пасть порву!

Страхи и тревоги моментально улетучились. Тело, будто пивной бокал, наполнялось непередаваемой легкостью, а пузырьки адреналина стремительно взлетали вверх, наполняя голову пеной.

А подать сюда следователя со всем его комитетом! Ох и врезал бы он Белопузову. От всей разухабистой души саданул бы промеж глаз. Даже рискуя загреметь на лишние десять лет, саданул бы. Честное слово! Ну, а чего он привязался? Других преступников в России не осталось, что ли? Ловил бы убийцу или террориста какого-нибудь. Нет, с этими подполковник связываться не рискнет. Проще же кошмарить безобидного помощника депутата, да? Иди сюда, гнида! Давай как мужчина с женщиной. Один на один.

– Пусть в стране у нас бардак,
Я болею за «Спартак»!

Кричалка гремела над притихшим стадионом. А почему, кстати, притихшим? Лев открыл глаза и огляделся. Ага, ясно. Перерыв. Болельщики вполголоса обсуждают игру. В ближайшие четверть часа повышать голос пристало лишь разносчикам хот-догов.

– Дружище, да ты оголтелый огр! – ухмыльнулся Шеймус. – Надеюсь, не только орать горазд? Потому что подраться нам все же придется.

– А давай! – хорохорился Лев. – С кем?

– С Кевином, – подмигнул летчик. – И с братом Кевина.

– Братом Кевина? – голой спине вдруг стало зябко, пришлось набросить на плечи цыганскую рубаху. – Так он же лось.

Мокрая ткань не согревала ни капельки, равно как и перспектива получить по щам.

– И потом, ты сам говорил, что они хорошие ребята.

– Хорошие, – подтвердил Шеймус, – но разве это помешает разбить им носы в кровь?

– А разве нет? Вокруг полно незнакомцев в синих футболках, которые с радостью навалеют тебе за любовь к чужой команде. Зачем на гиганта набрасываться?

– С коротышками биться гораздо хуже, – покачал головой ирландец. – Тут даже не в том засада, что подлю пинать тех, кто слабее. Хуже то, что любой плюгавый шибздик таскает в кармане нож или кастет. Иначе ему не выжить на улицах Дублина, смекаешь? А двухметровый шкаф полагается только на свои кулаки, причем бьет не в полную силу, чтобы ненароком не покалечить. В тюрьму же никому не охота. Вот и получается, что драться с братом Кевина куда безопаснее.

Он подозвал торговца, что-то шепнул ему на ухо и взял два хот-дога. Один протянул Льву, от другого откусил почти половину и сосредоточенно задвигал челюстями.

Денег Шеймус не заплатил, но разносчик не обратил на это внимания. Кто же этот парень? Гипнотизер, что ли?

– А насчет незнакомцев, – летчик дернул головой, показывая сразу на три трибуны, – это ты прав. Можно и с ними. Но ты пойми, дружище, мужчины в наших краях дерутся не за цвет футболки.

– За что же тогда? – у Льва уже голова шла кругом, а смысл сказанного постоянно ускользал.

– Ну как... Накапливается за неделю ярость. Подвел тебя кто-нибудь на работе. Или в трамвае на ногу наступил. Или грязью обрызгал на улице. Или жена изменила с молочником... Да мало ли поводов для злости?! Ты не суетишься каждый раз, не нервничаешь. Выдыхаешь и улыбаешься. А все обиды копишь внутри. Раз в неделю, по воскресеньям, идешь на стадион и пытаешься выкричать то, что накопилось. Попытка – не пытка, иногда этого хватает. Но если матч закончился, а ярость внутри осталась, тогда находишь соперника покруче, и бьешь в рыло.

– Погоди, но ведь и тебе в ответ навешают тумачков.

– Навешают, конечно. В этом и соль! Ты ведь и сам за неделю кого-то обидел или выбесил. Врежут тебе по сусалам, сразу искупишь эти грехи. А еще доброму человеку, который тебе врезал, поможешь от накопленной ярости избавиться. Все в плюсе. Кто-то ходит в церковь в

поисках успокоения, кто-то медитирует с йогой или платит психологу. Мы обретаем гармонию здесь, на стадионе.

И в этот миг без предупреждения грянули дудки, загрохотали бубны и заревели фанаты, подкрепившиеся в перерыве.

Второй тайм.

Адреналин схлынул, пена в голове перестала пузыриться и нашептывать всякие глупости. Лев смирился с тем, что его сегодня поколотят. Скорее бы уже! Он слишком замерз, стучал зубами и считал минуты на табло стадиона. Матч закончится через полчаса, потом будет немножко больно, или даже очень больно. Зато сразу после драки – аэропорт, самолет, Гренландия.

На время кроме него никто не смотрел. Шеймус и остальные не отрывали глаз от футбольного поля. Там разыгрывалась настоящая драма. Голы поочередно забивали то дублинцы, то их противники. Синие давили и плющили, желто-зеленые кинжальными контратаками сравнивали счет. За пять минут до финального свистка графство Донегол вышло вперед, но победные гимны на гостевой трибуне тут же сменились воплями ненависти. Что случилось?

Лев скосил глаза. На зеленом поле корчился капитан команды Дублина. Рядом виновато топтался защитник северян, а к нему спешил судья, на бегу расстегивая кармашек.

– Клёванный клюворыл! – побледнел Шеймус, хватаясь за голову. – Неужели красную карточку покажет?!

– А что же ему за удар исподтишка дать талон на усиленное питание?! – в один голос взревели Кевин, Гевин и Девин. – Изверг! Убийца! Гони его, судья! Без всяких размусоливаний!

Кричали по-ирландски, но тут угадать нетрудно.

Летчик не огрызался, он что-то быстро и горячо шептал.

Похоже, молитву.

Похоже, сработало. Судья достал из кармана карточку другого цвета.

– Слава Богу! Черная!

– Черная метка, что ли? Как у пиратов?! – пробормотал Лев в замешательстве. – Да что вообще происходит...

– Все отлично, дружище, – ликовал О'Рейли. – Видишь, насколько гэльский футбол круче, чем у чертовых британских нетопырей?! Красная карточка – это приговор. Удаление и команда в меньшинстве до конца матча. А черная – это шанс. Нарушителя удалят, но на замену может выйти другой игрок. Поэтому наши останутся в полном составе.

Вокруг клокотало многоголосое возмущение.

– Купи очки, арбитр!

– Чтоб тебя, слепошарый!

– За сколько ты продался Донеголу?

Брат Кевина пробасил:

– Судья – вор!

Соседи подхватили, потом добавились верхние ярусы, затянули дальние уголки, и вот уже синие сектора скандируют нараспев:

– Судья – вор! Судья – вор!

Лев с изумлением шепнул пилоту.

– Вор? Ничего себе. А в России на стадионах судью обычно ругают педерастом.

– Ругают? Разве это оскорбление? – ирландец остановил проходившего мимо разносчика и забрал у него последний хот-дог. – Промеж каких булок совать свою сосиску – это личное дело каждого. А воровать стыдно.

Дублинцы забили гол на последней секунде. Шеймус скрипнул зубами от досады.

– Дятлова долбанина! Двадцать – двадцать... Ничья, а это означает дополнительное время. Не успеем, – он тяжело вздохнул, – ни футбол досмотреть, ни подраться. Ладно, помчались в аэропорт, нам нельзя на рейс опаздывать.

Лев Мартынов – >> путешествует в Гренландию

22 апреля, 5:25

Где-то над Гольфстримом

Закрытая запись

На хвосте грузового «Бомбардье» был нарисован трилистник.

И на крыльях тоже.

И на носу, только размером поменьше.

И на дверце в кабину пилота.

И на приборной доске.

И на правом плече летчика О'Рейли, который в кабине самолета сбросил мокрую куртку и остался в майке, зеленела татуировка.

Вся эта клумба ползучего клевера оторвалась от взлетной полосы и стремительно набирала высоту, проверяя известный тезис писателя Горького.

Лев старался не смотреть на пилота. Подозрения, промелькнувшие на стадионе, вспыхнули с новой силой. Только не надо тут про паранойю! Видели бы вы, как они шли по аэропорту, тоже напряглись бы. Шеймус избегал попадаться на глаза полицейским, двигался вдоль стен, короткими перебежками, потом свернул в боковой проход и потащил своего спутника к чуть заметной двери. Охранник, дежуривший у этого входа, обменялся с летчиком особым рукопожатием – они похлопывали ладонями, замысловато выгибали пальцы, будто мasons какие-нибудь.

Хм-м.

Это вряд ли. Мasons же появились в Англии, так? А ирландцы ненавидят жителей соседнего острова. Стал бы честный сын Эйре с ними связываться? Дудки. Или, с учетом местного колорита, правильно говорить, волынки?! Все наоборот. Он вступил бы в тайное общество, которое борется с чертовыми британскими нетопырями. В одно из тех, что упоминал почтарь из Килмор-Ки. Тех, что мутят воду в Северной Ирландии. А славный летчик как раз с севера. Вот и сложилась головоломка. Выходит, Шеймус – боец невидимого фронта. Из тех, кто сам себя величает «освободителем», но в новостях по телевизору упоминается не иначе, как «террорист». Поэтому его побаиваются футбольные хулиганы, угощают на халяву хот-догами и пропускают в любые двери, которые охраняют верные соратники.

Круто, Левушка.

Просто волшебю!

Похоже, ты снова вляпался...

А ведь час назад радовался, что удалось уйти без драки, и что брат Кевина лишь похлопал по плечу на прощание. А мог бы и нос своротить. Твой нос. На бок своротить, да-да. Но с другой стороны, там, на стадионе, ты получил бы полное отпущение грехов по ирландскому методу, ходил бы потом с фингалом под глазом, и благодарил небеса: спасибо, что взяли разбитым лицом. А не чем похуже. Кто знает, какие испытания судьба уготовит взамен. Скажем, террорист Шеймус задумает протаранить английский корабль в водах Атлантики и все эпично утонут? Хотя нет, погодите. Он мог сделать это и после драки. Тогда бы, получается, нос расквасили зря?!

Лев совсем запутался. Вздохнул и покосился на пилота. Спросить прямо?

Зачем? Скажет он: «да, я из ИРА». Легче станет?

А если соврет?

А если пристрелит и выбросит из самолета в океанскую пучину?

Нет, лишние знания никому еще счастливой жизни не обеспечили. Пусть даже и террорист, но ведь никаких бомб в самолете нет. Грузовой отсек пуст, как надежды депутата Кнута-Пряницкого на то, что дело о коррупции само собой рассосется. «Бомбардье» держит курс на Полярную звезду. Вот и молчи, дружище, наслаждайся полетом.

Пока можешь.

Шеймус рулил, как таксист из южного курортного городка – Гагры или Ессентуков. Самолет подрагивал, подпрыгивал, то и дело заходил на вираж, отчего у пассажира захватывало дух и закладывало уши. На скоростные ограничения лихач плевал с высоты в семь тысяч метров и гнал на предельной скорости, создавая проблемы для остального воздушного транспорта. О'Рейли успел переругаться с диспетчерами трех разных аэропортов. Балагурил с пилотами, которых обгонял и подрезал в небе, пел песни и выкрикивал непонятные фразы – то ли ругательства, то ли древние заклинания кельтов. Его распирало от восторга. Сразу видно: нравится человеку летать. Не ляжку тянет, а получает кайф от работы.

Вскоре Ирландия осталась позади. Потянулись пепельно-серые воды океана, неподвижные, будто застывшая лава. Темень и безмолвие. Даже Шеймус притих.

Может быть, все-таки, спросить?

– Я чего подумал...

Начал Лев отважно, но тут же закашлялся под пристальным взглядом Шеймуса. Серые глаза напомнили дула заряженной двустволки. Любопытство, только что толкавшее локтем мозг – давай, давай, за спрос не казнят – вдруг сползло по стеночке и, фальшиво посвистывая, заспешило прочь.

– Э-э... Мы же порожняком летим?

– Точно.

– За акулами?

– Точно.

– И ты летаешь в Гренландию каждую неделю?

– Точно, дружище.

– А на кой ляд кому-то сдались акулы в таком количестве? Едят их, что ли?

Фух! Вроде вырулил на нейтральную зону. Любопытство вернулось с невинным видом, демонстрируя невероятный интерес к новой теме. Ну а что, если вдуматься, акулы – это о-го-го!

Шеймус наконец-то моргнул, разряжая обстановку.

– Нет, дружище. Мясо гренландских акул ядовитое, много в них триметил... Чего-то там азотистое. Короче, есть их нельзя. Эскимосы вроде бы умеют пошаманить, вываривают акулятину неделю в заповедных травах и потом по кусочку дают охотникам на медведей. Для храбрости. А так, чтобы стейк приготовить или котлету – нельзя. Сразу отравление, конвульсии и смерть. Даже собаки не едят это мясо, понимают, что опасность высока.

– Зачем же их тогда ловят? – удивился Лев.

– Ради печени, – летчик ткнул себя кулаком под ребро и поморщился. – Жир из акульей печени сейчас пользуется бешеным спросом. Там содержится какой-то особый фермент, укрепляющий иммунитет человека. Ну, знаешь, как яд по капле – лекарство, так и это работает. А сейчас все помешаны на укреплении иммунитета, готовы платить за пузырек акульего жира бешеные деньги. Вот я и перевожу замороженную печень акул. Тоннами! Из каждой получается литра три зелья, которое мы продаем в лондонские аптеки.

– Англичанам?

– Точно.

– Погоди, но вы же их того... Недолюбливаете.

– Точно, дружище. Да только против британских денег ничего не имеем. Мы их на благие дела потратим, – Шеймус прищурился. – А еще я искренне надеюсь, что большинство этих чертовых нетопырей от жадности вылакают сразу весь пузырек, да и отправятся в адские котлы.

Лев нервно сглотнул, ожидая вспышки гнева, но летчик неожиданно улыбнулся.

– О, что вспомнил. В Гренландии мне рассказали легенду о том, как полярные акулы появились. Слушай, слушай, тебе точно понравится.

Он включил автопилот. Самолет впервые за пару часов перестало шатать из стороны в сторону, будто «Бомбардье» протрезвел и взялся за ум. Даже моторы загудели не так нахраписто. О'Рейли забросил руки за голову и заговорил особым мечтательно-сахарным голосом, каким мужчины обычно рассказывают сказки маленьким детям или врут любимым девушкам про любовь до гроба.

– В древние времена жил угрюмый и злой старик. Зажиточный тиран, всю деревню держал в страхе, слова поперек не скажи, не то огреет палкой по темечку и капец. А у этого изверга была прекрасная и добрая дочь... Ты замечал, дружище, что в сказках у негодяя-отца всегда нарождаются порядочные дети? В жизни такое редко бывает. Если кто с гнилым нутром и при деньгах к тому же, то потомки его с малых лет привыкают жить так же, пусть и не по совести, зато на золотишке. А тут – умница, красавица...

– Спортсменка, комсомолка, – пробормотал Лев по-русски, чуть слышно, чтобы не отвлекать Шеймуса.

– А если в сказке есть красавица, то к ней обязательно посватается жених. И представь себе, Перелётный! – улыбнулся Шеймус. – Прилетела птица. Точнее птиц. Обернулся статным юношей и говорит: «Будь моей женой». Девушка сразу согласилась, но предупредила, что к отцу за благословением лучше сейчас не соваться. Прибьет с порога. Но вскорости они поедут на рыбалку, и там можно будет аккуратно подготовить батюшку к новости о грядущей свадьбе. Птиц улетел в свои заоблачные края и пообещал вернуться. Все как в твоей истории, а? Но я надеюсь, у тебя все сложится хорошо, не как у эскимосов. У них там дальше лютая жесть началась. Взял злой старик лодку и отправился с дочерью на рыбалку. Поначалу море было пустым, но потом треска пошла косяком – то ли птиц постарался, подогнал поближе, то ли так свезло. Настроение у отца улучшилось, стоит он на корме, рыбешек одну за другой на острогу накалывает. Уже лодка забита под завязку, рыбак доволен, все ладони в чешуе. Дочка решила, что момент подходящий, и призналась, что хочет замуж. Старик напрягся, но виду не подает. Спрашивает: «А кто жених?» Красавица помахала рукой, по этому знаку из-за облаков вылетел птиц, приземлился в лодку, превратился в человека и говорит: «Я жених». Злодей не удивился зятю-оборотню, но и не сказать, чтоб обрадовался. Слово за слово, разговор у них не заладился, осерчал отец невесты и статного юношу острой – тюк.

– Это как? – опешил Лев.

– Не знаю как, – отмахнулся ирландец. – В загривок, например, или в глаз ткнул. Не важно. Жених хоть и из волшебного народа, а все же не бессмертный. Кровью обливается, шепчет что-то про любовь. Невеста к нему бросается, плачет, голосит что-то вроде: «На кого же ты меня, мил-друг, покинул», а старика это еще больше разозлило. Схватил он дочь за шкуру и в море выкинул.

«Тут и сказочке конец», – подумал Перелётный жених. И ошибся. У эскимосов вечера долгие, полярные. Хватает времени на сочинение масштабных легенд.

– Девушка хорошо плавала, в любой другой местности она спокойно добралась бы до берега, но в ледяной воде долго не протянешь. Пришлось цепляться за борт лодки и просить отца о помощи. По идее, даже самый жестокий упырь сжалился бы в такой ситуации. Ну а что, неугодный жених больше не помеха, наследница все осознала и больше замуж не захочет. Спасай родную кровиночку и плыви домой с богатым уловом. Да только в этих ледяных пустошах люди, судя по сказкам, вообще отморозенные. Прикинь, что он сделал?! Достал нож и

принялся отрезать дочке пальцы. Методично, по одному. Тюк, тюк, тюк... Утонула красавица, но морская богиня сжалилась над ней и превратила в белого дельфина, а каждый отрубленный пальчик стал каким-то живым существом. Мизинец – крабом, безымянный – рыбой-иглой, а из среднего пальца правой руки, – Шеймус показал неприличный жест, – получилась гренландская акула. Она перевернула лодку и проглотила угрюмого старика. Отомстила за злодеяния. С тех пор в полярных морях поселился страх и ужас для всех эскимосов. Акула-то рыбаков жрет пачками, а если они попробуют ее съесть – в момент отравятся. Забавная заковыка, дружище?!

Летчик захохотал. Лев недоуменно покачал головой, ему смеяться не хотелось. Улыбку и то не выдавить. Выручай, любопытство, где ты там прижухло.

– А большие эти акулы? Я в том смысле, что она и вправду способна проглотить человека? Или это преувеличение, чтоб сказка интереснее звучала?

– В среднем эти твари по четыре метра от хвоста до ноздрей. Но на заводе я видел скелет самой крупной особи, пойманной у побережья Гренландии. Без малого девять метров, – Шеймус развел руки в стороны, – шесть раз по столько. О, ты лучше глянь в иллюминатор и представь, что та акула ровнехонько с крыло моего самолета.

Лев посмотрел на серебристое крыло с чуть загнутым вверх кончиком, словно «Бомбардье» тоже оттопыривал средний палец. А ведь вроде бы только-только за ум взялся! Верно говорят: каков пилот, таков и самолет.

– Но ты же понимаешь, дружище, что эта легенда совсем не про акулу. Она про нас. Ты нашел свою половинку и хочешь жениться, но отец невесты резко против. Знаю, знаю, читал про это, потому и проникся.

Летчик зашмыгал носом. Неужели, от смущения? Во, дела...

– У меня похожая история. Только мать воспротивилась.

– И чем же ты раздражаешь будущую тещу?

– Что ты, это моя мать против, – ирландец снова сцепил ладони на затылке. – Понимаешь, у моей невесты Эйслин нет левой руки. У нее красивое лицо, волосы до пояса, ноги – вообще чума! Наденет платье короткое и все мужчины на улице выворачивают шеи ей вслед. Убить их за это хочется, а вместе с тем – приятно, что мне завидуют. Безумно хочу на ней жениться. Но мать шипит и шипит: «На что тебе однорукая? Ты же не купишь машину на трех колесах? Даже самую красивую. Машина ездить должна, а жена – детей на руках носить да в доме убираться. А эта что сможет?»

– Подумаешь, руки нет, – после древней легенды Лев решил ничему не удивляться. – Двадцать первый век на дворе. Японцы наловчились протезы делать, там кожа синтетическая, но не отличишь от настоящей. До микрона выверяют конструкцию, сидит как влитая.

– Нет, протез – это совсем неправильно, – задумчиво протянул Шеймус. – Мне как раз очень нравится, что у жены нет руки. Это ведь самое замечательное.

Так, а вот здесь уже брови полезли на лоб.

Что?!

– Только так я могу быть уверен, что Эйслин не наставит мне рога, – признался летчик. – Красивая жена – это всегда риск. Я на два дня улечу, а может, на пять. Останется она дома одна-одинешенька. Будут вокруг увиваться похотливые мерзавцы, соблазнять всячески. Моя красавица и не устоит однажды, изменит мне с каким-нибудь охальником. А я ее так сильно люблю, что не переживу измены. Как думаешь, дружище, к однорукой ведь не станут приставать? Когда кругом полно жен и девиц с полным набором?

Но Лев думал о другом. А что случилось с ее рукой? Бомба раньше времени взорвалась? Ясно.

Террористка.

Соратница по борьбе с чертовыми британскими нетопырями. Но даже самые смелые бойцы с режимом, готовые презрительно смеяться в лицо тиранам и придворным палачам,

подчас теряют всяческую волю к сопротивлению под взглядом недовольной ирландской мамы. Да и не только ирландской.

– Я не знаю, какие вкусы у ловеласов в Дублине, – пожал плечами Лев. – Но от измен не застрахована ни одна семья. Даже самая крепкая. Измены – это дождь, который налетает неожиданно, и как бы ты зонтиком не отгораживался, рано или поздно промокнуешь. А любовь, она как солнце. Выйдет из-за туч, согреет и высушит. Если любишь по-настоящему, то не дай своему солнцу погаснуть и все будет хорошо.

– Спасибо, дружище. От души, спасибо. Твой пример вдохновляет на подвиги влюбленных всего мира. А сейчас смотри вниз внимательно. Такое представление тебе покажу – закачаешься!

Летчик отключил автопилот и отправил самолет вниз, рассекая черный бархат ночи. Над водой уже появилась полоска рассветного неба, светло-розовая и тягучая, как мармелад. «Бомбардье» сбросил скорость и застыл в ней, словно муха в янтаре. Косая тень скользила по почти неподвижной морской глади.

Вдруг вода вспучилась и из глубины вынырнула огромная пасть.

– Ох! – Лев пытался крикнуть «охреть», но у него отвисла челюсть на полуслове.

За пастью потянулось огромное тело, перепрыгнуло тень самолета, вертясь в воздухе веретеном, а потом плюхнулось в океан, поднимая тучу брызг. Второе чудовище взлетело еще выше, казалось, оно хочет откусить серебристое крыло и утащить с собой, на глубину.

– Киты?

– Ага, горбачи, – улыбнулся Шеймус. – Они тут всегда меня встречают. Игривые, что твои котята.

Кит перевернулся, показав белое брюхо с тонкими продольными полосками, как на брюках эппманов, всплеснул хвостом и снова ушел под воду. Чехарда продолжалась еще минут пять, потом горбачи выстроились в хоровод и начали вспенивать воду длинными плавниками.

– Чего это они?

– Кормятся так. Рыбы тут навалом, они сгоняют мелочь в кольцо пены, потом по очереди ныряют и заглатывают, кто сколько сможет, – пояснил пилот. – Считай, что мы на завтраке у них побывали. Как дорогие гости.

Огромные хвосты махнули на прощанье и скрылись в пучине вод.

«Спасибо, что не в виде основного блюда», – Лев в очередной раз порадовался благодатности природы-матушки. Она заранее продумала, чтобы существа с такими огромными глотками питались мелкими рыбешками и планктоном. Иначе киты сожрали бы все живое за пару лет.

А внизу просыпался океан. Проплыли три белухи, выстреливая небольшие фонтанчики – серебристые вспышки взлетали над набыченными лбами и неспешно опадали, будто это не брызги воды, а перья из разорванной подушки. Потом снова появился горбач, но уже одинокий. Гигант долго преследовал тень самолета, бегущую по волнам, но и он отстал. Косяк атлантических палтусов протянулся поперек их пути голубовато-серой лентой. Пересечешь ее – и ты уже за полярным кругом, Левушка.

Ровно на 66,6 градуса севернее Экватора.

Добро пожаловать в Арктику!

Лев Мартынов:-(промерз до костей

22 апреля, 17:01

Илулиссат, Гренландия

Доступно: друзья поблизости

Каждому хоть раз в жизни доводилось проснуться зимним утром в донельзя выстуженной комнате, когда не хочется вылезать из-под трех одеял. Но приходится. И ты бежишь в туалет босыми ногами по студеному полу. Потом запрыгиваешь в душ, а вода сначала идет еле теплая, кожа покрывается мурашками от коварных сквозняков, но вот котел (или что у них там) раскочегаривается на полную мощность, вода почти закипает, ты смываешь мурашек и сквозняки, направляя обжигающие струи туда и сюда. Распариваешься настолько, что даже слегка хмелеешь от приятных ощущений. Наспех вытираешь раскрасневшееся тело и опять окунаешься в ледяной коридор, бросаешься с головой в пронизывающий холод и бежишь к кровати. Забираешься в дружелюбные объятия одеял и тогда – только тогда! – наступает момент настоящего счастья.

Лев прочувствовал это на собственной шкуре. Правда, не утром, а вечером. Он продрых целый день, вконец измотанный долгим перелетом и тем, что случилось потом...

Самолет Шеймуса зарулил в грузовой ангар, выстуженный и неудобный. Ирландец следил за погрузкой ящиков с замороженной акульей печенкой, дул на озябшие пальцы и извиняющимся тоном объяснял, что не выходит из этого ангара никогда. Поэтому совсем забыл предупредить пассажира, что в Гренландию лучше лететь в шубе и варежках. Иначе можно замерзнуть насмерть.

Лев горделиво расправил плечи. Подумаешь! Он в крещенскую купель нырял при тридцати градусах ниже нуля. Как-нибудь уж до машины добежит, когда стюардесса приедет. Она должна вот-вот появиться. Слышишь, Шеймус? Зафырчал мотор снаружи. Давай прощаться, дружище. Удачи в борьбе и в любви. Спасибо, что скоротал со мной часть пути, пора двигаться дальше.

Напускная бодрость улетучилась, как только первый порыв ветра припечатал пригоршню снега к щетинистому ежику на затылке. Это северный ветер, ты у него в ладонях. А ладони эти грубые и мозолистые – на одну положит, другой прихлопнет! Сквозь противную завесу ледяной пыли, взметнувшейся на пороге ангара, Лев пытался разглядеть автомобиль. Заметил яркое пятно и метнулся туда, стиснув зубы, чтобы не закричать от пронизывающего холода.

Терпи, терпи, бродяга!

Еще три шага и ты окажешься в теплом салоне машины, а зверский колотун останется снаружи. Все твои страдания обернутся облачком пара изо рта и улетучатся навсегда.

Еще два шага. Из снежной пелены проступили большие черные колеса и железный бок, выкрашенный в оранжевый цвет.

Еще один. Он потянулся к ручке двери, представляя, как промерзший металл обожжет его пальцы.

– Б-б-б...

Губы онемели, даже не выругаешься полностью. А очень хочется. Нигугайк, стюардесса «Гренландских авиалиний» приехала не на машине.

На квадроцикле.

И хотя она тут же укутала недотепу теплым пледом, отдала свою ушанку и меховые варежки, Лев сполна хлебнул весенней свежести по гренландскому рецепту. Так себе коктейль, уверяю вас...

Вспоминая жуткий путь сквозь пургу, Перелётный жених дрожал под одеялами и раздумывал о том, как долго удастся протянуть в красной рубашонке в этом ледяном краю. Он бы согласился обрядиться в шерстяные платья или шубу хозяйки дома, и бродить по городку как Керенский, но, к сожалению, Нигугайк слишком миниатюрная, едва ли по плечо ему будет. Не налезут вещички.

Не согреют.

Не спасут.

И все-таки надежда встрепенулась, когда она ворвалась в комнату с ворохом одежды в руках.

– Примерь-ка. Я нашла старые шмотки младшего брата, – стюардесса положила три свитера поверх одеяла, – Нанухак из них вырос, но тебе что-то из этого должно подойти. Нанухак – это Медвежонок на нашем языке. Да вылезай уже. Подумаешь – голый, чего я там не видела.

Лев покраснел и постарался выбраться из-под одеяла так, как это делают в голливудских фильмах категории PG. Плавно и целомудренно. Получилось не слишком ловко, он поскользнулся и смешно задергал всеми конечностями, чтобы удержать равновесие. Всеми-всеми, да-да. Девушка хихикнула и прикрыла рот ладонью, но отворачиваться не спешила. Уши и щеки Льва горели от смущения, но в этом был и плюс: он больше не чувствовал холода. Нет худа без добра. Схватил самый большой из трех свитеров и поскорее нырнул головой в круглый ворот, искренне надеясь, что он не окажется слишком коротким. Свитер оправдал ожидания и натянулся почти до колен.

Господи, какой же он колючий!

Лев постарался не морщиться, чтобы не обижать благодетельницу. Выдавил улыбку и перевел тему.

– А твое имя что означает, Нигугайк?

– Свет звезды. Но ты язык не ломай, зови меня Нига, как коллеги из Европы. Американцы почему-то шарахаются, когда я такое предлагаю. Но они странные. Во всяком случае, те, кто к нам залетают... Чуть длинноват свитер, – она подошла ближе и помогла подвернуть рукава, – зато теплее будет. Сейчас еще штаны стеганные принесу, вроде валялись где-то.

Не успела закрыться дверь за стюардессой, а Лев уже натягивал трусы. Неловко без них в чужом доме-то. Втиснулся в джинсы. Надел и рубаху под свитер, чтоб не так сильно кололся. Благо, размеры позволяли. Можно было еще добавить пиджак, бронезилет и фуфайку, – все легко затерялось бы под этим балахоном. Из которого, на минуточку, вырос Нанухак. Ничего себе, Медвежонок. Тут целый медведь. Медведище!

Зато в шерстяной кольчуге не страшно выйти в продуваемый коридор. Заколдованный доспех от холода, сосулькой ткнешь – обломается. В таком не стыдно и в мир, и в пир. При мысли о пирушке голодная волна с урчанием всколыхнула поджелудочную. Так. Завтрак, переходящий в полдник, модно называть бранчем. А какое слово подобрали бы хипстеры для завтрака-ужина? Бриннер? Неплохо, кстати. Сразу вспомнился древний вестерн про лысого ковбоя в жарких прериях. Тоже ведь русский парень был, хоть и в Голливуде...

Ну, Бриннер, так Бриннер.

Не смутят даже Иствуд с МакКуином, лишь бы накормили прямо сейчас.

Лев почти бегом добрался до кухни. В Гренландии ловят рыбу и крабов. Скорее всего, их и едят круглые сутки. Сколько он смог бы протянуть на подобной диете? Скажем, неделю. Хорошо, что так долго ждать не придется, рейс в Канаду уже послезавтра. А крабы – это даже вкусно...

Он шагнул на кухню и онемел, но уже через секунду с рычанием набросился на шкворчащую яичницу-глазунью, только что со сковороды, обжигающую язык. Рядом на тарелках гренки, колбаска копченая, нарезанная кружочками, и помидоры, нарезанные кубиками. Какая-то непонятная маринованная трава. Местная что ли? Не может быть! Среди этих вечных льдов растет трава?! А впрочем, вкусная, чуть кисленькая и, при этом, острая – рот горит и сразу по телу благословенное тепло разливается. Ну и да – крабы, куда же без них.

– Спасибо, милая! Огромное тебе спасибо, – бубнил Лев с набитым ртом, не замечая, что говорит по-русски.

Девушка вряд ли поймет хоть слово.

А нет, поняла. Улыбается. Подвигает чашку душистого чая. Литра на полтора, не меньше. Горячие напитки в этих отморозенных краях гораздо популярнее горячительных.

Он отхлебнул и улыбнулся. Медвежонку, поди, такая чашка на один глоток. Непонятно только, как брат стюардессы помещается за этим крошечным столиком. Потолки в доме низкие, комнаты узкие, вот и в кухне великану не развернуться. Наверное, потому и съехал. Плюшевый мишка перерос кукольный домик.

– Слушай, мне ведь это не приснилось? – спросил Лев. – Твой дом снаружи выкрашен в розовый цвет, как у Барби?

Нига кивнула и прыснула в горячий чай.

– Когда мы заходили на посадку, я заметил, что в вашем городке много ярких пятен, – он выцарапывал из смерзшегося желе в голове осколки воспоминаний. – Красные, синие, бирюзовые, лимонно-желтые, но больше всего почему-то фиолетовых.

– Это все Грёйльдагеры, – она брезгливо поморщилась. – Плодятся быстрее, чем кролики, и скоро окончательно захватят Илуллисат.

– То есть стены и крышу красят в цвета семейных кланов, – догадался Лев. – А у твоей фамилии, получается, розовый.

– Нет, это я сама придумала, чтобы уже, наконец, оставили в покое.

– Кто?

– Дед, мать, тетки, брат... «Всех женихов разберут, а ты так в девках и просидишь», – передразнила Нига. – Сватались шестеро, но я всем отказала. Не хочу вечно оставаться в Илуллисате. Моя мечта – улететь в Европу. Там я сама выберу, за кого выйти замуж.

Лев рассматривал стюардессу. Фигурка точеная, походка легкая, опять же – общительная, все время улыбается. Но вот лицо, пожалуй, слишком экзотическое. Широкий нос, скулы будто припухшие, губы плоские, глаза как миндаль, только надкушенный с одного края. На любителя, прямо скажем, впрочем, любителей экзотики везде хватает. Только распахни окно в Европу – от женихов отбоя не будет.

– Кстати, а почему у тебя в доме окон нет? – гость отставил пустую чашку и огляделся. – Ладно, в спальне нет, это как раз удобно. Легче заснуть полярным летом, когда солнце светит одинаково ярко и ночью, и днем. А в кухне почему не сделала?

– Окна у нас мало кто ставит. С побережья часто налетает ураган, ни одно стекло не выдержит. Раз в год бывает, что и дома сдвигает на пару дюймов, хоть они и вмерзли в лед. Так весь городок потихоньку пятится от моря, – она встала, потянулась и собрала посуду со стола. – Одно окошко есть. В кладовке. Оттуда можно посмотреть какая погода на дворе и если выюга или ледяной дождь, то не выходить.

– А сейчас там как? – с затаенной тревогой спросил Лев. – Не смотрела?

– Сейчас без разницы. Мы выезжаем через полчаса при любой погоде.

– На ночь глядя? – идея не вызвала энтузиазма. – В адский дубак?

– Оденем тебя потеплее, мороза даже не заметишь. А ехать нужно, иначе к утру не успеем.

– Ку... куда?

Три недели прошло с того самого первого «куда», после которого все завертелось, а вопрос остается до ужаса актуальным.

– На паром, конечно. Я же говорила еще при встрече, – всплеснула руками Нига, – как ты мог забыть?!

Лев Мартынов:-(лавирует между айсбергами

23 апреля, около полуночи

Форт Илуллисат, Гренландия

Нет возможности для публикации,

запись будет сохранена, как черновик

Ну, вот что это за претензия такая?

Как он мог забыть...

Да запросто. Лев вообще не помнил, как оказался в доме стюардессы, как добрался до кровати и кто его раздевал. «Подумаешь – голый, чего я там не видела». Ох уж эта Нигугайк. Он снова покраснел и в который уж раз напряг мозговые извилины, чтобы хоть немного распрямились.

Вроде бы девушка говорила, что беспокоится о чем-то важном... Помочь надо... Но кому?... И чем вообще Лев может помочь? Его самого в этих суровых широтах спасти надо...

Гренландские ночи подкрадываются незаметно. Вот только что ослепительная белизна вычерпывала глаза до донышка, заставляя людей постоянно прищуриваться, и вдруг появляется сиреневый туман. Не смейтесь, реально сиреневый, как... Как то проклятое мороженое, которое Лев так и не попробовал в Париже...

Опять эти навязчивые мысли...

Опять эта предательница...

Прочь! Убирайся из моей головы и сирень свою забирай! Тем более что вокруг уже не туман, а многослойный купол из дымчатого хрусталя, тьма сгущается, небо где-то далеко вверху почернело, а здесь, внутри хрустальной сферы, видно как днем. Даже лучше, чем днем, потому что глазам не больно от яркого света. А посмотреть есть на что, столько удивительного рядом.

Вот, к примеру, айсберги в этом изгибистом фьорде, через который они плывут уже третий час. При беглом взгляде, казалось, что все плавучие льдины одинаково белые, лишь парочка в дальнем углу отливала нежной голубизной. Но сейчас-то видно, что они разноцветные, как домики в городке. Вон та гора льда – бледно-зеленая, с изумрудным пятном возле сколотой вершины. А справа отвесная стена, расчерченная вертикальными оранжевыми струйками, будто капли апероля стекали по краешку бокала, да так и застыли. Слева на простор морской волны выплыл складчатый айсберг, похожий на скомканное одеяло, если посчитать сверху вниз – шесть, нет, семь разных оттенков синего. За ним, вдалеке, мелькнул тигринный бок с коричневыми полосками.

Бывают же на свете белые тигры?

Он и этого не помнил. Мозг впитывал окружающую красоту и временами лениво восхищался пейзажем, но соображать отказывался. Лев пританцовывал на палубе, чтобы не замерзнуть.

Меховых сапог по размеру не нашлось, но Нига предложила запихнуть в ботинки собачью шерсть. А он отказался.

Дурак набитый!

Хотя нет, набитому, пожалуй, было бы теплее. Пароходик маленький. В трюме не спрячешься, там только двигатель и помещается. Кают нет в принципе. В крошечной рубке – ворчливый капитан, зыркающий из-под насупленных бровей на посторонних. Приходится вытанцовывать снаружи, иначе недолго и околеть – фырчащая посуда ползет по заливу нарочито медленно. Понятно почему. У этих разноцветных милашек, ласково трущихся о борт парохода, как котята, есть и подводная часть. «Титаник» не даст соврать. Не спеши, капитан, мы все понимаем. Как бы зябко не было на палубе, в ледяной воде люди погибнут через пять минут. А если акулы нарисуются, то и быстрее.

Акулы!

Не только Шеймус говорил про акул. Стюардесса тоже что-то такое упоминала...

Мозг заворочался, как медведь в берлоге. Медведь? Медвежонок...

Это ее брат.

И у него проблемы.

Из-за акул.

Точно! Он с невестой поругался.

Но... какая связь?

– Нига, – окликнул он девушку, которая все еще дулась и потому стояла в отдалении и нервно переплетала косу. – Я вроде бы вспомнил, но не все. Расскажи заново, что за беда у вас стряслась?

– Сначала пообещай, что поможешь моему брату.

– Шкура Медвежонка меня от холода защищает, – попытался отшутиться Лев, похлопывая по тяжелой дубленке, – как же я могу отказать ему в помощи.

– Смотри, ты обещал. Потом не отказывайся от своих слов, – девушка обернула косу кожаным ремешком и затянула узелок. – Брат – парень хороший и честный. Но жутко невезучий. Влюбился в мою подругу Альгги. Она тоже стюардесса, вместе летаем в Канаду. Знакомы со школы. Нанухак сохнет по ней много лет, но Альгги не относилась всерьез к его робким намекам и неуклюжим ухаживаниям. Привыкла воспринимать брата лишь как забавного малыша.

– А малыш-то вырос, – Лев помахал длинными рукавами, из которых, подобно черепашиим мордам, высовывались темно-серые варежки.

– Ох, не говори, – вздохнула Нига. – Вымахал ростом с пожарную каланчу, но в душе остался карапузом. Подслушал как-то наш разговор о том, что современные женихи не способны на романтические поступки. Вот и захотел поразить Альгги в самое сердце. Сюрприз устроил. Выложил на ледяном поле за аэропортом гигантскую надпись из выпотрошенных акул.

– Из чего? – кажется, в прошлый раз Лев в этом месте тоже удивлялся.

– Мой брат работает на заводе, который уничтожает акулы туши. Нанухак больше месяца морозил их в холодильнике, пока не набрался целый рефрижератор. Акулы черные, на белом поле контрастно смотрятся. К тому же они достаточно большие, чтобы надпись с самолета разглядеть удалось. Такая блестящая идея пришла в его большую, но глупую голову. Брат привез акул утром, как только наш самолет улетел в Канаду, и с помощью двух друзей и трех железных крюков, выложил романтическую надпись: «Alggy marry me!»¹¹

«Из дохлых акул? Офигенно романтично», – подумал Лев, но вслух ничего не сказал.

– Обратный рейс, как назло, задержали. Возвращались мы уже ночью. Нанухак сообразил, что в темноте буквы никто не увидит. Но не сдался, нет. В нашей семье не принято отступать перед преградами, – в голосе стюардессы прорезались нотки гордости за младшего брата. – Он снял со счета все деньги и купил полную цистерну горючего. Бензин в Гренландии дорогий до ужаса. Крона за литр. Это пятьдесят центов, чтоб тебе понятнее было.

«Чтоб тебе понятнее было, в России бензин еще дороже», – мелькнула шальная мысль, но Лев снова не рискнул перебивать.

– Пригнал Нанухак бензовоз в поле, облил акулы туши и когда объявили, что мы прибываем, поджег все буквы. Представляешь, летим мы в кромешной тьме, вдали загорается посадочная полоса и тут же слева, под крылом, вспыхивает огромная надпись. Пилот, предупрежденный заранее, объявляет по громкой связи, что сейчас для нашей прекрасной Альгги будет очень приятный сюрприз. Нарочно делает круг над полем, чтоб все хорошо рассмотрели. Пассажиры утыкаются в иллюминаторы. Мы с подругой тоже. А там...

Она замолчала, кусая губы. Непонятно, то ли слезы сдерживала, то ли рвущийся наружу хохот.

– Загорелись не все буквы. Туши слишком сильно отсырели, как братик ни старался, а на поле пылало: «logy mar». Вместо предложения руки и сердца получилось оскорбление.

¹¹ Альгги, выходи за меня замуж! (английск.)

«Ага, вот в чем фокус!» – Льву вполне хватило школьных знаний английского, чтобы перевести.

Тупая кобыла.

Да уж, попал Нанухак.

– Еще трепетала надежда, что удастся обратить все в шутку, – хмыкнула Нига, – но тут кто-то на заднем ряду громко заржал. И-го-го! Я уверена, это тот американец... Мерзкий жирдяй, который требовал добавки к обеду. Ненасытная тварь...

Она помолчала, вглядываясь в пару голубых айсбергов, до которых как раз доплыл пароход. Тут можно без подробностей, и так понятно. Все пассажиры засмеялись. Альгги покраснела и заплакала. Ей хотелось убежать. Но куда? В маленьком самолете «Гренландских авиалиний» даже спрятаться негде.

– Я пыталась уговорить подругу не судить строго этого непутевого раздолбая, но она страшно обиделась. Понятно почему. Я бы на месте Альгги тоже обиделась. Недавно встретились, так она бросила в сердцах: «Твой брат – глупый ребенок! Куда ему жену искать?! Пусть сперва повзрослеет!» Месяц прошел, а она не отвечает на звонки Нанухака и сообщения. Со мной тоже старается не общаться, даже сменами меняется, чтобы вместе не летать.

– Брат исстрадался уже?

– По нему не поймешь. Молчит, ничего не говорит. Зима у него на сердце, видите ли... Неделю просидел под арестом. Потом суд отрядил на общественные работы.

– Улицы от снега чистить? – Лев не пытался шутить, вырвалось первое, что в голову пришло.

– Нет, у нас никто не занимается бесполезным трудом, – отмахнулась стюардесса. – Ему велели вывезти все обгоревшие туши с поля. А директор завода обиделся, что Нанухак без спроса брал рефрижератор и машину не дал. Пришлось брату тащить акул волоком – впрягался в сани и по одной за раз...

«Никто не занимается бесполезным трудом», – звучало насмешливое эхо. – «Ну-ну!»

– Братишка еще легко отделался. Могли бы посадить надолго. За угон заводского транспорта. За то, что пожар устроил вблизи аэропорта. Даже за оскорбление! Но судья отнесся снисходительно. Сказал: «Кто из нас в молодости не совершал глупостей, ради любимой девушки». Мужчины, вас уже не исправить. Вечно хорохоритесь и пускаете пыль в глаза. Мог же тихо объясниться с Альгги наедине, нет, заробел он, видите ли. А теперь, после грандиозного провала, решил выбить клин клином. Добавить еще романтики, блин! Он хочет выиграть гонки на собачьих упряжках и потом во всеуслышание заявить, что хочет жениться на девушке своей мечты. Тогда все обиды забудутся, и любимая скажет «Да».

«Так себе затея», – снова промолчал Лев.

Хотя, не исключено, что в Гренландии победитель первых весенних гонок на собаках котируется на уровне чемпионов «Формулы-1».

– Я считаю эту затею еще большей глупостью, чем та надпись на поле. Но кто будет слушать одинокую старую деву из розового домика, – пожалала плечами Нига. – Мать и тетки давно мечтают о внуках. Дед поддержал, мне даже кажется, что он эту ерунду и посоветовал. Нанухак уехал в деревню к старику, чтобы подготовиться к заезду. Он переполнен энтузиазмом, даже говорить начал в последние дни. Правда, только о гонках и болтает. Ты поедешь вместе с ним и поможешь. Ты обещал!

Неожиданный поворот.

– Как я могу помочь? – пролепетал Лев. – Я же ни разу не гонщик, тем более на собаках.

– В гонке брату помощь не нужна, он с пяти лет самостоятельно правит упряжкой, возит туристов, а наш дед – легендарный каюр Апайя, который объехал всю Гренландию на собаках, – научил его своим премудростям. Ну и хитростям, наверняка. Поэтому Нанухак выиграет гонку с завязанными глазами. Но чтобы Альгги об этом узнала, нужно привлечь ее внимание,

а значит, внимание всех жителей Иллулисата без исключения. Для этого нужна звезда, – стюардесса угрюмо ткнула Льва под ребро. – Другой звезды у нас нет. А про твоё участие в гонках напишут в нашей местной газете, расскажут по радио и в Интернете ты соберёшь очередной миллион лайков. Так Перелётный жених поможет Недолётному жениху – моему братишке.

«Заполярный ездок». Закрытая группа

23 апреля, 4:21

Насальык, Гренландия

Присоединился: Лев Мартынов

Деревенька сиротливо жалась к воде. Редкие домики ползли от берега в глубь острова, но вскоре натыкались на высоченный забор. Дальше хода нет. Жизни нет. Только ледяная пустошь.

– Туда мы и рванем, Лейф! – азартно прокричал Нанухак, встречавший их на пристани. – Сто километров на собаках. Пятьдесят до базы спасателей, и столько же обратно. Ты таких ощущений ещё никогда не испытывал!

– Да, здорово, – ответил Лев без особого энтузиазма.

Ему хватило айсбергов. Все эмоции замерзли, и двигался он на автомате. По скользкому трапу. По длинному пирсу. По ломкой корке сугробов на окраине, поминутно проваливаясь чуть не до колен. По широкой колее, заменяющей улицу. По унылому двору, к покосившемуся сараю.

– Хьёрр! Хьёрр! – приговаривал Нанухак, снимая замок и щелкая засовами. – Выходите, зверюги. Засиделись, небось!

Дюжина больших псов выскочила веселой гурьбой, твякая от восторга, покусывая хозяйина, тыкаясь широкими лбами в его колени. Уши торчком, хвост завит кренделем. На затылке и спине, вдоль хребта, темно-серая линия, к бокам сползает в рыжину, а брюхо и ноги белые – как будто они в снегу по грудь пробежались, но отряхнуться забыли.

– Какие странные хаски.

– Хаски? Нет, это калааллит кимьят... Гренландские лайки. Подходи знакомиться. Они умные, без команды не укусят.

Лев шагнул в меховой круг, присел на колени, выставляя руки вперед, и фальшиво-приторным голосом затянул:

– А кто хороший песик? Кто хороший песик? Подходи гладиться!

Прежний опыт общения с соседским пуделем тут не помог. Черные носы презрительно сморщились, обнажая клыки. Лайки смотрели исподлобья, без малейшего намека на дружелюбие, а самая крупная приблизилась и фыркнула прямо в лицо. Он успел заметить, что глаза у собаки небесно-синие, хотя у всех прочих – угольки.

– Ох, ты и выдумал! Ох, насмешил! – из дома вышел пожилой эскимос, скрюченный то ли от возраста, то ли от хохота. – Ктоха-рожи-пёзий, – передразнивал он льстивое сюсюканье, – Ходи глядь-ица!

– Дедушка! – обрадовался Медвежонок. – Знакомься, это Перелётный жених, про которого тебе Нигугайк рассказывала. А это великий каюр Апайя! Победитель семи весенних гонок подряд.

– Ой, когда это было, – притворно смутился старик. – Сила ушла из моих рук. Могу лишь туристов вдоль забора покатавать, а им и того достаточно – агукают, как дети малые. В настоящей гонке все по-другому. Ты не едешь, ты летишь. Скорость такая, что ветер сдирает кожу с лица. Скоро сам узнаешь!

– Не пугай, – улыбнулся внук. – Давай-ка лучше собак напоим перед стартом. Пора уже запрягать.

Каюр кивнул и выволок на крыльцо бидон. Нанухак уже держал наготове жестяной таз.
– Молоко с рыбьим жиром, волшебная смесь для бодрости. Как эти ваши... Э-э-э-э...
Энергетики!

Лайки виляли хвостами, лакали по очереди, не толпясь, и не отталкивая друг друга. Пятеро уже улеглись на снег, облизываясь. Три пса терпеливо ждали в стороне. Сразу видно – это не бродячая стая, а слаженная команда, где у каждого есть определенная роль.

Нанухак выкатил из сарая нарты. Не привычные глазу легкие плетенки, как показывают в кино. Эти напоминали оранжевую байдарку, поставленную на салазки.

– Угадал, рож-пёзий, – Апайя плеснул добавку из бидона и захихикал, вспоминая недавний конфуз. – Если сани провалятся под лед, то превратятся в лодку, и вы не утонете.

– И часто это... Под лед уходят? – напрягся Лев.

– Всякое случается, – хмыкнул старик. – Белая земля коварна и непредсказуема.

– Не пугай, – снова улыбнулся внук. – Этого парня назвали в честь лучшего из викингов¹². Он облетел всю Европу. У него в груди огонь, отважное сердце!

Да-да. Но сейчас это сердце укатилось куда-то в пятки и замерло там, пропуская удары. Чтобы скрыть предательскую дрожь в руках, пришлось ухватиться за огромное кольцо в носу лодкосаней.

– Чт-то за шт-тука?

– Страховка. Вот сюда, – молодой эскимос показал на верхний полукруг, – крепится упряжка. А здесь, – палец ткнул в основание, – два зажима. Когда придет нужда, дергаешь рычаг, – видишь, слева торчит?! – и собак отпускаешь.

– Зачем?

– Ну как. Если провалимся под лед, то лайки в холодной воде долго не протянут. Начнут тонуть и нас утянут. Поэтому отпускаем, надеемся, что они сами сумеют выбраться.

– Сумеют?

– Не переживай ты так, – тяжелая ладонь ободряюще впечаталась в плечо, словно они в салочки играли. – Прокатимся, развлечемся. Это весело!

Лев Мартынов:-(приближает приход весны

23 апреля, 8:52

Где-то в Гренландии

**Нет возможности опубликовать,
запись будет сохранена, как черновик**

Очуметь как весело!

Ухохотаться...

Почти час он пролежал на животе, щуря глаза от летящего в лицо снега. Чуть проморгался и можно разглядеть два хвоста замыкающих упряжку кобелей. Ох, если бы только хвосты! А в следующий миг новая порция: собачьи лапы взметают снежную пыль, с неба падает колючая крупа, по бокам крутит вихри ледяной ветер – даже не знаешь, откуда именно шмякнет.

Лев пытался ехать сидя, но спустя пару миль сдался. Позвоночник гудел, отсчитывая каждую встреченную кочку, зубы клацали, боль резала затылок на ломтики. В нартах относительно комфортно лишь на запятках, с вожжами в руках, но там ему дали постоять только во время нудного обряда. Морщинистые старухи обламывали сосульки с ворот и рисовали ими узоры на спинах каюров – овалы, восьмерки, косые кресты. При этом пели шамкающими ртами что-то заунывное, вроде пугачевско-орбакайтевской «Метели». Когда уровень тоски начал зашкали-

¹² Лейф Эрикссон – легендарный правитель Гренландии. Первым из викингов пытался завоевать Северную Америку.

вать и заныли зубы, появились юные красавицы. Ну, как красавицы. По-прежнему, на любителя. В Москве, и даже в Балашихе, их котировки стремились бы к нулю. Но здесь, среди вечных льдов... Парни приосанились, захопали в ладоши. Девушки достали из-за спин хворостины. Стеганули прямо по ледяным рисункам, да больно так! Хоть смягчила удар меховая куртка, а слезы выступили. Тут все начали кричать по-своему, но и без перевода ясно: гори, гори, ясно! Магия зимы разрушена, весну выкликают.

Ярило придет, порядок наведет.

Дальше почетное место возницы занял Нанухак и громким свистом поднял собак в резвый галоп, или как там это у них называется. Понеслись на бешеной скорости, обгоняя три десятка других упряжек, и вырвались на бескрайний простор гренландского ледяного щита.

– Первые! Мы лидеры! – обрадовался Перелётный жених. – Йу-хууу!

Снял лыжные очки, заляпанные инеем, чтобы протереть и оглянуться на отстающих. Не удержал. Неуклюжие варежки хорошо защищают от холода, но с мелкой моторикой – беда. Выскользнули. Улетели в сугроб. А остановиться и поискать не вариант. Возвращаться плохая примета.

Вот и приходится шуриться сквозь смерзшиеся ресницы. Хорошо хоть дышать легко, нос и рот предусмотрительно закутаны шарфом. О, идея! Нужно натянуть шерстяную ленту повыше, до лба. Пусть ничего не будет видно, но тут и смотреть-то не на что. Зато глаза не остекленеют от мороза. Весна пришла. Ну-ну, рассказывайте.

Он разматывал шарф, ворочаясь в неудобных санях. Для мазохистов их придумали, что ли? Для худющих и низкорослых мазохистов. Не развернешься. Ладно, попробуем скрутить голову и перетащить свободный край...

Да вы издеваетесь?! Зацепился. Мать всех ездовых собак! Это ж надо, зацепился за какую-то щепку. Что теперь, так и валяться с вывернутой шеей до ближайшей остановки? Остановок не ожидается, даже по требованию. Это саночный экспресс, терпи до конечной.

Или дернуться? Не затянется же петля, в конце концов. Не задушит. Не убьет. А за порванный шарфик потом извинюсь.

Лев зашарил обеими руками, вцепился в продолговатую деревяшку, почти не чувствуя ее сквозь толстенные варежки. Дернул раз, другой.

Фу-ух! Похоже, освободился. Поднял глаза и увидел, как большое железное кольцо, замерзшее до синевы, со скрипом вывернулось из зажимов. Подпрыгнуло, звеня от напряжения, и улетело в снежную даль.

– Не-е-е-ет! – закричал Медвежонок, пытаясь удержать поводья, рвущиеся из рук.

Нарты крутились на месте, заваливаясь на правый бок. С оглушительным треском сломались полозья. Оранжевая лодка перевернулась и прихлопнула незадачливого седока, как гигантская ладонь. Протащила метров десять, вдавливая в лед.

– Лейф! – эскимос успел отпрыгнуть в сторону и теперь медленно поднимался на ноги. – Живой?

– Вроде да, – откликнулся тот, вырезая из-под раскученных саней. – А где лайки?

– Убежали.

Каюр трижды свистнул. Прислушался, не ответит ли из-за снежной пелены лающе-воющий хор. Тишина. Высвистел еще несколько трелей, с каждым разом все тише и безнадежнее.

– Но они же вернуться? – забеспокоился Лев, оглядываясь.

Эскимос не отвечал. Достал из внутреннего кармана компас и следил за колебаниями стрелки.

– Они найдут нас? По запаху? Собаки ведь хозяина за километр учуять могут...

Нанухак подошел к нартам, осмотрел сломанные полозья, вздохнул и попытался перевернуть.

– Эй! Ты чего молчишь? Псы ведь не бросят нас в этом треклятом месте?

– Это не они нас... Это ты их бросил! – взорвался Медвежонок. – За каким чертом дернул рычаг?

Он сжал кулаки.

И шагнул вперед. Лев сжался и закрыл руками голову.

– Случайно! Я не хотел!

Каюр пнул сани, пытаясь сдержаться, запыхтел, выпуская пар, но злость не уходила.

– Случайно. Случайно прилетел, случайно накосячил... Случайный человек, вот ты кто!

Прозвучало это как ругательство, даже хуже.

«А сам-то не косячил? Будто бы не из-за твоего прокола с романтикой меня потащили на эти злоездучие гонки!» – подумал Лев, но спорить не стал.

Оглядел ледяную пустыню и поежился.

– Теперь мы здесь... умрем?

– Только о себе думаешь, да? Долбаный эгоист. Нам-то что сделается?! Сейчас включу радиомаяк, его отследят спасатели и примчатся за нами на вертолете. А собак ты загубил.

– То есть как это – загубил?

– А вот так, – эскимос поднатужился и перевернул сани. Присел на краешек отдышаться. – Когда псы в упряжке, они не останавливаются. Инстинкт гонит вперед, пока погонщик не крикнет «стоп!» Если повезет – наткнутся на базу. Там их поймают и посадят в загон до нашего спасения. Но шансы невелики, проще плевком в звезду попасть. Лайки будут бежать, пока не рухнут от усталости. И потом замерзнут на хрен...

Он часто-часто заморгал под очками и отвернулся, делая вид, что возится с передатчиком, встроенным в нарты. Нельзя показывать слезы другим, в самой сложной ситуации нужно, прежде всего, оставаться мужчиной – холодным и твердым, как дед. Дед Апаля учил этому сызмальства.

Льва воспитывали не таким замороженным, поэтому он без всякого стеснения разрыдался, представив страшную картину: двенадцать хороших псов бредут на сбитых в кровь лапах по глубокому снегу, оставляя позади извилистый след. Языки свесили набок, дышат лихорадочно. Шерсть смерзлась жесткой коркой. И с каждой минутой они все ближе к смерти.

– Простите, я очень виноват, – шептал он, понимая, что лайки не услышат. – Лучше бы я никогда не прилетал на этот остров.

Внутренний голос звучал гораздо строже.

Лучше бы ты, Левушка, вообще не затевал авантюру с побегом. Возомнил о себе – всемирно известный Перелётный жених, неуловимый джентльмен удачи. А стоит ли азартное приключение хотя бы одной порушенной жизни? Нет, однозначно. Это вопиющая несправедливость! Лайки служили верой и правдой добрым людям, которые приютили тебя, накормили, дали теплую одежду. Но ты всех подвел. Стюардессу Нигу, готовую рискнуть карьерой и провести тебя на борт тайком. Старого каюра – он не перенесет печальную новость. Его внука, проигравшего гонку, лишившегося упряжки, а значит, дохода от возни с туристами, и, что гораздо страшнее для него, возможности вымолить прощение у любимой и доказать, что он достоин считаться взрослым мужчиной.

Но хуже всего сейчас тем, за кого ты обязан быть в ответе, хоть и не самолично их приручил. Час назад все было в лучших традициях Джека Лондона, а сейчас скатилось к полному Экзюпери. Собаки перед мысленным взором продолжали ковылять по ледяной пустоши. Падали, но поднимались, помогая друг другу, подталкивая носами в плечо. Рано или поздно силы окончательно оставят, тогда они лягут в снег, прямо в вытоптанную борозду. Вожак завоюет на прощанье, глядя в пустое небо, а потом опустит морду на передние лапы и закроет глаза...

Постойте-ка, что еще за борозда?

Соображай, голова...

– Мы пойдем за ними. По следам.

– Нет, нам нельзя отходить от саней. Они оранжевые, на белом снегу заметны издалека.

К тому же спасатели отслеживают сигнал маячка. Мы должны оставаться рядом.

– Мы и будем рядом! – Лев взбудоражено скакал вокруг нарт, примериваясь, с какой стороны лучше ухватиться. – Надо толкать эту штуку по снегу. Собаки убежали в сторону базы, правильно? Значит, мы с каждым шагом становимся ближе к ним, а заодно и к спасателям. Опять же, остальные гонщики могут заметить нас. Помощь окажут.

– Сомневаюсь. Все уже опередили нас.

– Но мимо никто не проехал!

– Здесь нет одной трассы, каждый сам маршрут выбирает.

– Слушай, Нанухак. Мы же ничего не теряем. Наоборот, пока волочем эту бандуру, мы не замерзнем! По любому выходит польза.

Эскимос хмыкнул, вложив в этот короткий звук все презрение к Перелётному жениху, но поднялся, налег плечом. Сани неохотно сдвинулись, зачерпнули носом снег и встали.

– Ничего не выйдет из твоей затеи.

– Постой, я знаю! Сейчас, минуточку...

Злополучный шарф привязали к двум скобкам, на которых держалось кольцо с упряжкой. Другой конец обмотали вокруг груди – наискосок, через плечо, словно ленту выпускника или свадебного свидетеля. С такой петлей бурлаки ходили вдоль Волги, а по снежку-то, поди, саночки волочить куда легче. Лев сделал шаг, преодолевая сопротивление, тут же получил ощутимый удар под колени и завалился вперед. Вынырнул из сугроба, отплеываясь.

– Ничего, приспособимся. Ты толкай и чуть придерживай. Лови мой темп, ага? Скорее, пока следы видны! Может через каких-нибудь пятьсот шагов лайки сидят и ждут нас.

Лев Мартынов:-(теряет надежду

23 апреля, 12:15

Где-то в Гренландии

**Нет возможности опубликовать,
запись будет сохранена, как черновик**

Прошли пятьсот.

Еще пятьсот.

Еще трижды по столько же.

Лев считал, потому что это помогало отогнать грустные мысли. Перед глазами расстилась белая равнина с неровным следом. Сзади подпрыгивали на кочках сани с маячком, посылающим в небо неслышные «пиу-пиу». Если, конечно, не сломался. Впрочем, об этом лучше не думать. Вообще ни о чем не думать. Идти и тянуть ляжку. Хорошо, что цифры в голове уже стали огромными. Каждый новый шаг давался с трудом, а пока произносишь про себя «Четыре тысячи восемьсот десять», можно вдохнуть побольше воздуха и наскрести остатки сил, чтобы двигаться дальше

Четыре тысячи восемьсот одиннадцать...

Поднять левую ногу. Опустить ее в снег.

Четыре тысячи восемьсот двенадцать...

Поднять правую. Опустить.

Четыре тысячи восемьсот трина...

Вертолет красной каплей стек с неба и разбавил пейзажное однообразие. Странно, что не слышно гудения и стрекотания. Вообще ничего не слышно. Только стук сердца в ушах отдается: бух-бам, бух-бам. Звуки появились, когда сани втиснули на борт между снегоходом и откидной полкой для лежащих больных. Медвежонок с лязгом закрыл дверь, отъезжающую как

в газельках, а пилот обернулся назад, напоминая водителя маршрутки. Для полного сходства не хватало лишь привычной мантры: передаем за проезд.

Но сказал он совсем другое.

– Heу, er du okay?

– Окей, – соврал Лев, улавливая знакомое слово. – Полетели спасать собачек!

– Hvad?

Понятно, английский спасателю неведом. К счастью, Нанухак сносно говорил по-датски. Языковой барьер пал под натиском гортанных глаголов.

– Du sindssyg? – резюмировал дядька, для наглядности покрутив пальцем у виска.

– Отказывается, – вздохнул эскимос. – Он спасает людей, а ради псов не хочет горючее жечь.

– Переведи ему, что если откажется, я выйду и побреду по следам дальше. А ему все равно придется шпарить за мной, чтобы не дать погибнуть.

Услышав такую угрозу, летчик с глумливым хохотом потянул рычаг. Вертолет подпрыгнул и начал набирать высоту.

– Ах, ты ж сука! – психанул Лев, хватаясь рукой за стену, чтобы не упасть от резкого движения.

Пальцы заплясали в воздухе и вцепились в ухватистую рукоятку. Что это тут болтается на хлипком ремешке? Неужели пистолет? Нет, сигнальная ракетница. Тоже хорошо.

Он приставил широкое дуло к виску пилота, сдвигая наушник в сторону.

– Разворачивай свою стрекозу. Мы летим спасать собачек!

Пилот покосился на ствол и что-то пробормотал в ответ.

– Чего?

– Спросил: «Ты и в самом деле шмякнутый на всю башку, или притворяешься?» Ведь если ты выстрелишь, то вертолет упадет, и мы все погибнем.

– А ты объясни, что я русский.

Нанухак перевел.

Летчик покосился снова, во взгляде проступила легкая паника. Но он продолжал огрызаться.

– Псы ваши уже давно околели. На кой черт искать замерзшие трупы?

Эскимос покачал головой.

– Часов пять-шесть лайки продержатся. Если сразу полететь...

– Не положено! – буровил дядька, не сводя глаз с горизонта. – Гонка продолжается. Кто-нибудь еще может потеряться и замерзнуть, пока мы будем вашу сбежавшую упряжку искать.

Лев опустил ракетницу и положил руку на плечо спасателя.

– Слушай, ну чего ты как не родной, а? В моих краях говорят: «собака – друг человека». Ты человек или нет? Нельзя друзей в беде бросать.

Затылок летчика собрался складками. Он погладил золотой значок на груди – крылатый щит с тремя изогнувшимися львами, – а потом наклонил штурвал и вертолет, описав изящную дугу, лег на обратный курс.

– Уболтали. Летим. Только учтите, если вызовут по радио и моя помощь срочно понадобится людям, то бросим к етиням поиски и сразу вернемся. Без всяких споров и угроз!

Полетели по широкому кругу, забирая вправо. Пилот сидел в кабине, а его пассажиры вглядывались в иллюминаторы на двух бортах.

Первое время снежный покров казался сплошной белой холстиной, натянутой на бильярдный стол. Потом изнутри проклюнулись холмы и пригорки. Залегли глубокие морщины оврагов или ледниковых трещин, кто разберет?! Мелькнули птицы. Замерзшая река лизала ярко-синим языком тонкую корку, но все никак не могла вырваться на свободу – две-три полыньи не в счет. Снова потянулось белое полотно, а вот и стежка-дорожка...

– Эй! Мы только что пересекли цепочку следов! – возбужденно закричал Лев. – Давай назад и спустись-ка пониже.

Он не ошибся.

Полоса на снегу, а в ней много отпечатков собачьих лап.

– Недавно пробежали, – Медвежонок разглядывал борозду в бинокль. – Но почему-то не видно отметин от поводьев и кольца.

– Подумаешь, отцепились где-то. Летим скорее!

Суровая романтика северных широт снова захватила, наполнила азартом и жаждой приключений. Что может быть прекраснее погони за гренландскими лайками. Грусть-тоска остались в далеком прошлом. Сейчас важна только скорость. Лопасты, вращайтесь быстрее! Красная стрела несется по небу, рассекая облака, настигая...

– Черт! – выругался пилот, добавив пару слов покрепче. – Свернули куда-то, а мы проглядели!

– Надо вернуться.

Следующие полчаса мотылялись над белизной, двигаясь широким зигзагом. След снова нашелся и, в конце концов, привел к невысокой горе, заметенной снегом от макушки до основания. Одно лишь темное пятно – вход в пещеру. Даже, скорее, нора. Оттуда высунулся пес, и заплясал, вытягивая морду к небу. Выл, наверное, но за шумом винтов разве услышишь. Наружу, будто по команде, бросились остальные собаки. Только почему-то сплошь белые. Может, шерсть смерзлась, покрылась инеем? Да и хвосты-колечки распрямились, повисли безжизненно.

Ничего, главное, что нашлись!

– А чего зависли-то? Спускаемся вниз, вон, как они нам радуются.

– Радость вполне понятна. Мы для них самый вкусный обед, – эскимос протянул бинокль. – Сам посмотри. Это волчья стая.

Оптика многократно увеличила свирепо оскаленные пасти.

– Полярные волки способны обглодать человека до костей минут за семь. Если сначала горло перегрызут, считай, повезло. А то ведь могут начать с ног и рвать на куски еще живого.

Лев вздрогнул, но совсем не от жуткого рассказа. Ему-то бояться нечего, железная машина надежно защищает от хищников. Однако дрожь не отпускала. Охватила все тело, спускаясь вдоль позвоночника, скручивая колени, завивая пальцы в нелепые переплетения, и чтобы унять ее, хотелось биться головой в круглое стекло. Мысль пострашнее четвероногих убийц кусала острыми клыками его мозг: это ведь ты обознался, нашел неверный след!

– Теперь лаек уже не спасти, – Нанухак опустил в кресло, постарев сразу лет на триста. – Им осталось жить максимум часа два, а за это время мы не успеем облететь весь сектор.

Пилот переспросил что-то на языке Гамлета. Выслушал. Выразил сожаление. Заложил обратный курс. Включил радиосвязь с базой спасателей.

– Advarsel! Advarsel! – выдал он непонятную скороговорку.

Ответ захрипел в наушниках, поди разбери, о чем там сообщает невидимый собеседник. Но эскимос радостно встрепенулся.

– Они поднимают в воздух самолеты! Понимаешь, Лейф?

– Нет, – честно признался тот.

– Объявлена тревога высшего уровня. Через двадцать минут взлетят истребители королевских военно-воздушных сил. У них на борту тепловизоры и мощная оптика. За километры можно мышь обнаружить! А скорость такая, что мигом прочешут окрестности и сообщат координаты Ларсу.

– Кому?

– Нашему пилоту, балда!

Вот и познакомились.

Очень приятно. Дядька-то хороший, как оказалось, хотя поначалу...

И тут его оглушила новость. Не сразу дошло, так бывает, когда у петарды длинный фитиль и огонек ползет, сверкая и подмигивая, а потом бу-у-ум и все вокруг накрывает фейерверком огромного изумления.

– Самолеты? Истребители?! – он тряс головой, как контуженный. – А с чего вдруг такая суета из-за горстки собак?

– Потому что Ларс сказал, что потерялась упряжка с двумя туристами, один из которых – совсем маленький ребенок.

– Приврал маленько, – пилот кивал, а Медвежонок переводил его слова. – Они ж там роботы бессердечные, ради собак не дернутся. Даже ради местных жопу от взлетной полосы не оторвут. Но турист, да еще и с малышом на руках – все на крыло!

– Как-то они сразу поверили, – усомнился Лев. – Кто потащит ребенка в такую холодину кататься на санках? Неужели такое возможно?

– Раз в месяц случается. Сумасшедшие канадцы. Прутся к нам целыми семьями. Однажды случай был, три пацаненка...

– Погоди-ка! Но ты же сам говорил, что наша экспедиция – только зряшний расход керосина.

– Так это когда было?! Ишь, вспомнил. Я все же спасатель, а мы никогда не сворачиваем операцию на полдороги.

Лев Мартынов:-(рискует жизнью

23 апреля, 16:04

Где-то в Гренландии

Нет возможности опубликовать,

запись будет сохранена, как черновик

– Повторяю координаты: 69 градусов 15 минут 40 секунд северной широты, 51 градус 10 минут 30 секунд восточной долготы. Только собаки. Людей нет. Продолжаем поиски.

– Принято! Конец связи, – Ларс сверился с приборами. – Это совсем рядом, долетим минут за десять.

Возможно, диалог он понял не слово в слово, но Лев уже привык догадываться о сути по жестам и интонациям. Сложил в ответ колечко из пальцев: окей. Отличная новость. Похлопал по плечу эскимоса, прилипшего к иллюминатору. Занял свой пост на противоположном борту, вглядываясь в белую пустыню, поглотившую все остальные цвета.

Чистый лист.

Пугающий и беспощадный.

Не зря же психологи называют одну из главных проблем современного человека «страхом чистого листа». Сомнения грызут нас гораздо медленнее, чем полярные волки – они смакуют внезапное замешательство, упиваются скованностью жертвы. Они наслаждаются, видя, как притормаживают занесенные над бумагой карандаши и авторучки. Хочешь написать СМС, и то возникает неловкая пауза. Как начать? Что сказать? Стоит ли вообще людей беспокоить?

Ладно бы это одной лишь писанины касалось. Нет, у нас вся жизнь – чистый лист. Начну-ка я худеть с понедельника. Бегать по утрам и не есть на ночь сладости. Но чем ближе понедельник, тем все больше сомнений. А я в спортивных трусах выгляжу не слишком вульгарно? Засмеют ведь. Будут бибикать из машин вслед. Я же вдоль дороги побегу... Кстати, говорят, это не слишком полезно. Мышцы болеть начнут, в офисе целый день маяться. И вечером чаю не попьешь, потому что без эклеров разве это чай?! Но ты не позволяешь нерешительности все обломать. Бодрись все воскресенье, с утра до вечера настраиваешься на пробежку и даже

заводишь будильник на шесть ноль-ноль. Но поутру нажимаешь «отложить на десять минут» и твой лист остается чистым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.